

Моя борьба съ епископомъ Гермогеномъ и Иліодоромъ

Изъ воспоминаній сенатора П. П. Стремоухова*).

Въ 1910 году наступилъ седьмой годъ моего управленія Сувалкской губернію. Я изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ, зналъ каждую деревню, изучилъ насквозь всѣхъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ... и заскучалъ. Захотѣлось чего-то новаго. Переимѣнить губернію въ Привисленскомъ Краѣ мнѣ не хотѣлось, почему я сдѣлалъ попытку перейти на службу въ Имперію.

Новгородская губернія была вакантна. Я написалъ Столыпину, прося его перевода въ эту губернію, но получилъ отвѣтъ отъ директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова, что министръ очень сожалѣетъ, но не можетъ исполнить мою просьбу, потому что эта губернія обѣщана уже другому лицу. При ближайшемъ свиданіи со мною Арбузовъ пояснилъ, что это была только *manière de parler* и что желаніе мое перейти во внутреннія губерніи совершенно безнздежно, т. к. министръ находитъ возможнымъ назначать на эти должности только лицъ, знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ.

Такое положеніе меня очень огорчило, т. к. привязывало меня къ Царству Польскому, гдѣ я прослужилъ уже восемнадцать лѣтъ. Хотѣлось въ Россію, а въ особенности въ Петербургъ, частыя поѣздки въ который особенно разохотили меня къ столичной жизни. Поэтому я рѣшился попытаться пойти по другой линіи. Частыя встрѣчи и проводы въ Вержболовѣ Вдовствующей Императрицы, стоявшей во главѣ вѣдомства Императрицы Маріи, давали мнѣ надежду пройти въ Почетные Опекуны. Должность эта была неплатная, если

*) Настоящій отрывокъ извлеченъ изъ обширныхъ и имѣющихъ значительный интересъ мемуаровъ сенатора П. П. Стремоухова, въ которыхъ онъ излагаетъ свои воспоминанія о воспитаніи его въ Пажескомъ Корпусѣ, о службѣ въ Л.-Гв. Егерскомъ полку, чиновникомъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генераль-Губернаторѣ (І. В. Гурко, гр. П. А. Шуваловѣ и св. кн. А. К. Имеретинскомъ), затѣмъ въ качествѣ Калишскаго вице-губернатора, Сувалкскаго Губернатора (во время революціи 1905 г.) — Саратовскаго (его борьба съ еп. Гермогеномъ и Иліодоромъ и два года неурожая), Костромскаго (во время торжествъ 300-лѣтія дома Романовыхъ), Варшавскаго — во время войны; засимъ — Директора Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1916 годъ), и, наконецъ, весьма кратковременно — Сенатора. Послѣ сего, въ запискахъ П. П. описывается пребываніе его подъ властью большевиковъ на Кавказѣ въ 1918 году, и, наконецъ, служба его въ учрежденіяхъ «Вооруженныхъ Силъ на Югѣ Россіи», сначала въ качествѣ помощника начальника Минераловодскаго Района, а затѣмъ помощника Главноначальствующаго Сѣвернымъ Кавказомъ, генерала Эрдели. (Гражданское устройство края, катастрофа, эвакуація черезъ Грузію).

не считать выслуженной пенсіи (тысячи три), но какъ указываетъ самое ея названіе, весьма почетная. Мои личные денежные дѣла преуспѣвали. Начавшееся послѣ Японской войны оживленіе промышленности почти удвоило мое состояніе, и на получаемые дивиденды, плюсь пенсію, я могъ, хотя и скромно, жить въ столицѣ. Послѣ Рождества (въ началѣ 1911 г.) я собирался въ Петербургъ, гдѣ и надѣялся устроить свои дѣла.

Глубокою осенью 1910 года вся Царская семья должна была ѣхать за границу, гдѣ Императрицѣ надлежало лѣчиться водами въ Гессенѣ.

Я получилъ телеграмму отъ Столыпина о принятіи мѣръ охраны ж. д. линіи съ указаніемъ, что въ виду болѣзни Императрицы Государь Императоръ строжайше воспретилъ всякія встрѣчи. Какъ надо было понимать послѣднюю фразу? Касалась ли она меня лично? Зрѣло обдумавъ положеніе, я рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что я все же Государя встрѣтить долженъ, какъ должностное лицо, столь же необходимое и будничное, какъ швейцаръ на вокзалѣ, или кондукторъ при вагонѣ.

На всякій случай, я заказалъ букетъ съ лентами для Императрицы.

Уже въ Вержболовѣ я получилъ отъ министра повторную телеграмму о недопущеніи какихъ бы то ни было встрѣчъ, но, тѣмъ не менѣе, остался при прежней своей точкѣ зрѣнія.

Наконецъ, въ назначенное время, съ точностью до одной секунды, подкатилъ къ станціи Вержболово Императорскій поѣздъ. Государь вышелъ изъ вагона. Я подошелъ къ нему съ рапортомъ. Его Величество привѣтливо со мною поздоровался и заговорилъ о дѣлахъ губерніи, сказавъ при этомъ, что лишь недавно съ большимъ интересомъ прочелъ мой годовой отчетъ. Затѣмъ вышла изъ вагона Императрица съ дѣтьми и, пройдя черезъ вокзалъ, помѣстилась въ другомъ заграничномъ поѣздѣ, стоявшемъ уже на узкой колеѣ. Государь минутъ десять гулялъ со мною по перрону и очень весело и непринужденно со мною бесѣдовалъ. Ободренный его привѣтливостью, я спросилъ его, не могу ли я представиться Императрицѣ и поднести ей нѣсколько цвѣтовъ.

— А вотъ я сейчасъ спрошу, сказалъ Государь и вошелъ въ вагонъ.

Черезъ минуту онъ высунулся изъ окна и сказалъ:

— Императрица васъ просить.

Я вошелъ въ вагонъ къ Государынѣ.

Послѣ 1897 года я видѣлъ ее впервые. Съ того времени она нѣсколько похудѣла и удивительно похорошѣла. Въ своемъ розовомъ шелковомъ капотѣ она была очень красива. Императрица просила меня сѣсть и мы нѣсколько минутъ поговорили съ полною непринужденностью.

Впечатлѣнія отъ этой встрѣчи остались у меня самыя отрадныя.

Мнѣ доложили, что поѣздъ сейчасъ отходить. Я прошелъ въ вагонъ-салонъ къ Государю и пожелалъ ему счастливаго пути.

Поѣздъ немедленно отошелъ въ сторону Эйдкунена.

Какъ я хорошо поступилъ, что не послушался министра. Вотъ какъ, иногда наши верхи отстраняли отъ Государя возможность видѣть людей, не принадлежавшихъ къ ближайшему его антуражу.

Немного менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца Царская семья возвращалась изъ-за границы. Я вновь получилъ телеграмму отъ министра, воспрещающую всякія встрѣчи. На этотъ разъ я поѣхалъ на встрѣчу Царю уже совершенно

спокойно, такъ какъ за мною былъ прецедентъ и при томъ благопріятный.

Чтобы поѣхать въ Вержболово по желѣзной дорогѣ, мнѣ приходилось ѣхать черезъ нѣсколько губерній. По Сувалкской до Гродно, отъ Гродно до Ландварово по Гродненской и Виленской, отъ названной станціи опять по Виленской, затѣмъ по Ковенской и, наконецъ, я оказывался опять въ Сувалкской. Такое «кругосвѣтное путешествіе» облегчалось для меня всегда любезно предоставляемымъ мнѣ управленіемъ дороги вагономъ.

Пріѣзжаю я на этотъ разъ въ Ковно, чтобы наблюсти оттуда за мѣрами охраны ж. д. пути, какъ начальникъ станціи докладываетъ мнѣ, что черезъ нѣсколько минутъ пріѣдетъ въ Ковно экстреннымъ поѣздомъ генераль - губернаторъ.

Что сей сонъ значиль?

Подходитъ генераль - губернаторскій поѣздъ. Вхожу въ вагонъ къ Скалону. Генераль красный, сконфуженный. Принимаетъ меня въ своемъ купэ съ глазу на глазъ, и говоритъ:

— Не знаю какъ быть. Я получилъ Вашу телеграмму о проѣздѣ Государя, заказалъ поѣздъ и уже собирался ѣхать, какъ получилъ отъ Столыпина телеграмму о воспрещеніи всякихъ встрѣчъ. Я уже раскачался ѣхать, вотъ и пріѣхалъ, и не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ.

— Я думаю, что ничего плохого изъ этого не выйдетъ, отвѣтилъ я, и рассказалъ, какъ было со мною при проѣздѣ Государя за границу. Скалонъ успокоился и повѣдалъ мнѣ, что везетъ пять букетовъ для Императрицы и великихъ княженъ, и что было бы глупо не довести ихъ до назначенія.

Во время этого разговора вошелъ адъютантъ и подалъ Скалону шифрованную депешу.

Мы быстро ее расшифровали.

Въ ней было изложено повторное и категорическое указаніе министра, съ ссылкой на Высочайшую волю, никакихъ встрѣчъ не дѣлать. По расчету времени было ясно, что кто - то успѣлъ телеграфировать изъ Варшавы въ Петербургъ о выѣздѣ Скалона въ Вержболово, и полученная телеграмма реагировала на этотъ фактъ.

Такая постановка дѣла несомнѣнно осложняла положеніе.

— Я поѣду назадъ, сказалъ Скалонъ.

Я началъ противъ этого возражать, указывая генералу на примѣръ со мною и высказывая мнѣніе, что присутствіе старшаго начальника мѣстности, въ которой имѣетъ хотя бы и временное пребываніе Государь и за которую онъ несетъ отвѣтственность, не есть встрѣча, а только исполненіе своей прямой служебной обязанности, что повернуть съ пути на глазахъ всѣхъ было бы умаленіемъ своего достоинства и послужило бы источникомъ самыхъ неблагопріятныхъ для него толкованій, что, наконецъ, совершенно недопустимо, чтобы Государь не принялъ своего генераль - адъютанта.

Скалону видимо очень хотѣлось видѣть Государя и, какъ надо полагать, имъ руководило желаніе говорить съ Царемъ по поводу сенаторской ревизіи, ставившей его въ весьма тяжелое положеніе, изъ котораго, такъ или иначе, надо было выйти.

Наконецъ, Скалонъ сдался на мои доводы и мы двинулись къ Вержболову.

Скалонъ высказался вскользь, что появленіе насъ двоихъ на вокзалѣ уже есть встрѣча. На это я отвѣтилъ, что встрѣча можетъ ограничиться и его особою, но что я прошу его доложить Государю и о моемъ присутствіи; я

совершенно увѣренъ, что Царь приметъ и меня, но что быть на станціи и не быть принятымъ было бы для меня тоже очень неприятно, такъ какъ уронило бы мое служебное достоинство.

Такъ мы и порѣшили.

Въ ожиданіи прибытія Царскаго поѣзда мы расположились въ т. наз. директорскихъ комнатахъ. Когда подошелъ Императорскій поѣздъ, я вышелъ на платформу и просилъ перваго вышедшаго изъ вагона, инспектора царскихъ поѣздовъ, доложить Его Величеству о присутствіи на станціи Варшавскаго генераль - губернатора, послѣ чего вернулся въ директорскія комнаты.

Минуть черезъ пять вошелъ флигель - адъютантъ и доложилъ, что Государь Императоръ проситъ генераль - адъютанта Скалона къ себѣ въ вагонъ Скалонъ сейчасъ же вышелъ за нимъ.

Прошло минутъ десять. Меня не приглашаютъ. Еще десять минутъ.

Я начинаю волноваться.

Проходитъ еще десять минутъ.

Я явственно слышу, какъ съ южной стороны вокзала (узкоколейнаго) по коридору на сѣверную (ширококолейную) проходитъ толпа людей. Изъ полуоткрытаго окна я слышу, какъ Государь здоровается съ конвойцами. Наконецъ раздается свистокъ локомотива и Царскій поѣздъ медленно отходитъ отъ станціи.

Я былъ крайне взволнованъ. Было совершенно ясно, что генераль - губернаторъ не исполнилъ своего обѣщанія обо мнѣ доложить, или, что было - бы гораздо хуже, Государь не захотѣлъ меня принять. Съ завтрашняго дня я сдѣлаюсь притчей во языцѣхъ всѣхъ досужихъ языковъ, а въ особенности моихъ недоброжелателей.

Черезъ двѣ, три минуты входитъ Скалонъ.

— Знаете, П. П., Его Величество чудно меня принялъ, я переговорилъ съ нимъ, и все нужное устроилъ.

— Далеко не все, Ваше Высокопревосходительство, вы изволили забыть ваше обѣщаніе обо мнѣ доложить и я, начальникъ губерніи, остался здѣсь въ комнатѣ въ самомъ глупѣйшемъ положеніи.

Скалонъ вспыхнулъ.

— Ради Бога, простите меня, П. П., я такъ радъ былъ видѣть Государя, что все забылъ.

Скалонъ подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Мнѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ пожать протянутую мнѣ руку.

Вспомнились мнѣ слова моего покойнаго тестя: не дай Богъ тебѣ служить при дворѣ. При твоёмъ самолюбіи ты зачахнешь черезъ три мѣсяца *).

Приблизительно черезъ недѣлю мнѣ пришлось съѣздить въ Варшаву по какому - то дѣлу. Я собирался побывать и у генераль - губернатора. Не помню уже по какому поводу Ячевскій — въ то время Петроковскій губернаторъ, а ранѣе того Директоръ Канцеляріи Генераль - Губернатора и очень близкій Скалону человекъ — сказалъ мнѣ:

*) Мой тесть, генераль - адъютантъ А. М. Салтыковъ, много лѣтъ былъ начальникомъ военно - походной канцеляріи Императора Александра II.

— Скалонъ разсказывалъ мнѣ о той досадной исторіи, которая случилась съ вами въ Вержболовѣ: онъ говорилъ, что употреблялъ всѣ усилія, чтобы Государь васъ принялъ, но ничего не могъ сдѣлать.

— Что-о-о-о?

— Ну да, я передаю вамъ его слова.

— Ну такъ онъ сочиняетъ, вспылить я, и я могу это доказать, потому что онъ извинялся передо мною въ присутствіи свидѣтелей, что забылъ доложить обо мнѣ.

— Я вамъ передаю только то, что отъ него слышалъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ уже совершенно нехорошо. Я понимаю, что онъ могъ потеряться отъ радости, увидѣвъ Государя, могъ по старости меня забыть, но давать теперь этому инциденту, въ оправданіе себѣ, толкованіе явно неблагопріятное для моего служебнаго положенія, уже положительно дурно.

— П. П., ради Бога, не волнуйтесь.

— Волноваться я не буду, но сегодня - же уѣзжаю въ Сувалки и прекращаю со Скалономъ всякія личныя отношенія. Если хотите, можете ему это передать.

Такъ я и поступилъ.

Я вполне благожелательно отношусь къ Скалону. Считаю, что онъ много сдѣлалъ для успокоенія Края и тѣмъ самымъ для русской государственности, утверждаю, что онъ былъ всегда большимъ джентельменомъ, и я затрудняюсь объяснить его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ. Самое вѣроятное то, что, сознавая свой грѣхъ относительно меня, въ томъ, что онъ не доложилъ обо мнѣ Государю, онъ пытался дать ему въ средѣ окружающихъ объясненіе, его оправдывающее, не давая себѣ отчета, что это объясненіе составляетъ еще большій проступокъ относительно меня, или же малодушно думая, что все это до меня не дойдетъ.

Этотъ инцидентъ еще болѣе укрѣпилъ мое желаніе сдѣлаться почетнымъ опекуномъ.

Странная судьба меня преслѣдовала. Во всякомъ мѣстѣ служенія (а я ихъ перемѣнилъ много) первый же день начинался съ какой-нибудь неприятности. Будучи очень мягкимъ и во всякомъ случаѣ не задирчивымъ человекомъ, я со всякимъ начальствомъ всегда былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ и съ большею частью изъ моихъ начальниковъ расходился, и всегда потому, что они мнѣ дѣлали какую-нибудь неприятность, ничѣмъ мною не заслуженную; съ подчиненными же и обществомъ у меня всегда устанавливались наилучшія отношенія.

2-го Января 1911 года я устроилъ охоту для пріѣхавшаго въ Сувалки моего друга и товарища по Пажескому корпусу, А. Ф. Ефимовича, тогда адъютанта В. К. Павла Александровича и крупнаго маіоратиста Сувалкской губерніи.

По возвращеніи домой у меня былъ ужинъ, къ которому было приглашено еще нѣсколько друзей.

Охота въ тотъ день была, хотя и не удачная, но веселая, ужинъ отличный, а вино еще лучше. Настроеніе было самое праздничное.

Уже въ первомъ часу докладываютъ мнѣ, что правитель канцеляріи желаетъ меня видѣть.

Я весь день и даже ночь всегда былъ въ распоряженіи службы, но время, проводимое за столомъ, жена моя ревниво оберегала, т. к. это было единственное время, когда я отдыхалъ, а также и то, въ теченіе котораго мы съ нею видѣлись. Поэтому жена моя даже разсердилась.

— Что у него такое можетъ быть, сказалъ я, позвать его сюда.

Входитъ мой, всегда мрачнаго вида, правитель канцеляріи, Н. Ф. Хвалько

— Что у васъ такой мрачный видъ? Выпейте лучше съ нами вина.

— Вы выпейте,, а мнѣ, кажется, радоваться нечему — прочтите.

Разворачиваю телеграмму.

«Министръ просить васъ принять губернію и немедленно отвѣ-
тить». Затѣмъ подпись директора департамента общихъ дѣлъ, Арбузова.

Названіе губерніи было зашифровано.

— Ну и отлично, сказалъ я, куда угодно — надоѣла мнѣ ваша Скалонія.

— Лишь бы не въ Саратовъ, замѣтилъ кто-то изъ присутствовавшихъ, спасибо тамъ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ возиться.

Послали за шифромъ.

Расшифровываемъ.

Такъ и есть, Саратовская!

Бѣдная жена моя чуть не въ слезы.

Между моими друзьями началось обсужденіе вопроса, принимать ли мнѣ сдѣланное министромъ предложеніе или отъ него отказаться. Одни говорили, что братъ Саратовъ послѣ того, какъ такой крѣпкій человѣкъ, какъ графъ С. С. Татищевъ, сломалъ себѣ тамъ шею въ борьбѣ съ Гермогеномъ и Иліодоромъ — безуміе, а другіе находили, что отказываться отъ поста, связаннаго съ такими трудностями, значило на всегда поставить крестъ на всякое свое движеніе по службѣ.

Я разрубилъ этотъ узелъ старой поговоркой: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся», но надѣялся обезпечить себя нѣкоторыми гарантіями, а потому телеграфировалъ, что завтра же выѣзжаю въ Петербургъ для переговоровъ съ министромъ.

По пути въ Петербургъ я думалъ: какъ это странно — полгода тому назадъ Столыпинъ не находилъ возможнымъ дать мнѣ незначительную Новгородскую губернію, а теперь предлагаетъ мнѣ едва ли не самую трудную, огромную Саратовскую губернію, къ тому же еще осложненную скандальными выходками іеромонаха Иліодора и поддерживающаго его епископа Гермогена. Тогда мнѣ говорили, что министръ не находитъ возможнымъ назначать во внутреннія губерніи Имперіи губернаторами лицъ, не знакомыхъ съ земскимъ дѣломъ . . . съ того времени это дѣло не стало мнѣ болѣе извѣстнымъ . . .

Долженъ объяснить, что пріѣзжимъ губернаторамъ не такъ легко было добратъся до министра. Для этого надо было заявиться въ его канцеляріи и ждать аудіенціи не менѣе недѣли.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я позвонилъ по телефону къ директору департамента общихъ дѣлъ, А. А. Арбузову.

— «Министръ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, — отвѣтилъ Арбузовъ, — и приметъ васъ во всякое время».

Вотъ оно, — подумалъ я, — какъ принимаютъ людей, когда въ нихъ нуждаются; это надо учестъ.

Въ 2 часа я былъ у министра.

Столыпинъ принялъ меня очаровательно, и вотъ какой разговоръ произошелъ между нами.

— Ну, что, вы согласны.

— Объ этомъ надо потолковать. Я знаю, что С. С. Татищевъ былъ вынужденъ оставить губернію изъ - за невыносимой обстановки, созданной ему Гермогеномъ и Иліодоромъ. Я полагаю, что меня ожидаетъ то же самое.

— Ваше положеніе будетъ легче. Иліодоръ сосланъ во Флорищеву пустынь, Владимірской губерніи, ну, а безъ него, Гермогенъ не такъ страшенъ.

— Пожалуй, что и такъ, но вы знаете, что я совершенно незнакомъ съ земскимъ дѣломъ и никогда не имѣлъ дѣла съ дворянствомъ. Саратовская губернія буйная и едва ли не самая трудная во всей Имперіи.

— Нѣтъ, это вторая. Самая тяжелая Екатеринославская.

— Пусть будетъ вторая, но, тѣмъ не менѣе, я не могу не опасаться, что не сумѣю справиться.

— Вы справитесь . . . Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ принять мое предложеніе. Если Вы откажетесь, я буду поставленъ въ очень тяжелое положеніе. У меня былъ кромѣ васъ только одинъ кандидатъ, кн. Щербатовъ (полтавскій губернскій предводитель дворянства, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ), но онъ отказался, что же я буду дѣлать?

— Ваше Высокопревосходительство, я охотно исполню ваше желаніе, но я прошу васъ войти и въ мое положеніе. Если Вы предлагаете мнѣ Саратовъ, то, очевидно, у меня хорошая служебная репутація. Въ маленькой губерніи, какъ, на примѣръ, Новгородская, я бы ее поддержалъ, ну, а въ такомъ *casse sou*, какъ Саратовская, я рискую потерять то, что накапливалъ болѣе десятка лѣтъ. Я совершенно въ себѣ не увѣренъ. Теперь вы меня туда приглашаете, а потомъ разочаруетесь, да я и самъ могу признать себя не на высотѣ положенія.

— Тогда Васъ всегда можно будетъ перевести въ другую губернію.

— Вотъ на это - то я и не согласенъ. Всѣ будутъ говорить, а вотъ Стремоуховъ съ Саратовской губерніею и не справился, такъ его и перевели въ какую - нибудь Калужскую.

— Чего же Вы хотите?

— Ранѣе всего, я хочу вселить въ Васъ сознаніе, что я вовсе не стремлюсь въ Саратовъ, считая себя для него неподготовленнымъ, опасаюсь надѣлать рядъ ошибокъ и, въ концѣ концовъ, получать отъ Васъ же непріятныя бумажки; отъ этого я хочу быть гарантированнымъ.

— То - есть?

— Если Вы будете мною недовольны, или я самъ собою буду неудовлетворенъ, и вамъ объ этомъ откровенно напишу, то по этому поводу, между нами не должно происходить никакихъ непріятностей, Вы просто устроите меня въ Петербургъ, соотвѣтственно моему служебному стажу.

— А именно?

— Я восьмой годъ губернаторствую; недавно назначенный сенаторомъ, виленскій губернаторъ, гр. Паленъ, служилъ менѣе меня.

Столыпинъ улыбнулся.

— Обѣщаю. Но все - таки Вы послужите саратовскимъ губернаторомъ?

— Все - таки дайте еще подумать.

— Вы завтра будете на выходѣ во дворцѣ?

— Не собирался.

— Я скажу Арбузову, что бы Вамъ прислали входной билетъ. Завтра Вы дадите мнѣ окончательный отвѣтъ, и я завтра же доложу о немъ Государю. Онъ очень интересуется Саратовомъ.

— Слушаюсь.

Отъ министра я поѣхалъ къ Арбузову.

Боже, какая разница въ пріемѣ маленькаго сувалкскаго губернатора и предполагаемаго саратовскаго.

— Вы согласились?

— Я еще думаю, и завтра дамъ окончательный отвѣтъ министру.

— О чемъ тамъ думать? Столыпинъ предлагаетъ Вамъ губернію, изъ которой былъ непосредственно назначенъ министромъ, вѣдь это, такъ сказать, лейбъ - губернія, вѣдь въ министерствѣ уже на васъ «ставятъ».

— Я до сихъ поръ пробовалъ себя лишь на гладкой скачкѣ, ну, а теперь мнѣ предлагаютъ скачку съ препятствіями, на которой каменною стѣнкою Гермогенъ, а ирландскимъ банкетомъ Иліодоръ, тутъ не долго и шею себѣ сломать.

— Qui ne risque rien, ne gagne rien... Смотрите, еще буду къ Вамъ съ докладомъ ѣздить.

— Или спишете съ круга!

6-го, я поѣхалъ во дворецъ и далъ Столыпину свое согласіе. Министру это доставило, повидимому, большое удовольствіе, и онъ, улыбаясь, мнѣ сказалъ: «Я уже доложилъ Государю о Вашемъ согласіи».

— Пожалуйста, — прибавилъ онъ, — кончайте скорѣе ваши сувалкскія дѣла и пріѣзжайте опять въ Петербургъ, тогда и переговоримъ о дѣлахъ губерніи.

Послѣ выхода, я съ остальными придворными чинами пошелъ закусывать. Наложилъ я себѣ на тарелку какого - то паштета и полилъ его малиноваго цвѣта соусомъ Кумберлэндъ, какъ меня кто - то толкнулъ подъ руку. Паштетъ оказался на полу, а соусъ разлился по груди моего камергерскаго, шитаго золотомъ, мундира.

— Ради Бога, простите, — сказалъ мнѣ господинъ въ придворномъ мундирѣ, — чѣмъ мнѣ загладить мою вину!

Я узналъ въ немъ директора Императорскихъ театровъ Теляковскаго, съ которымъ, впрочемъ, не былъ знакомъ.

— Очень просто. Я пріѣзжій губернаторъ, никогда не могъ я получить билета на Шаляпина. Сегодня идетъ «Борисъ Годуновъ», дайте мнѣ возможность его услышать.

— Будетъ исполнено.

И, дѣйствительно, къ 5 часамъ вечера мнѣ былъ доставленъ билетъ второго ряда.

Спектакль этотъ оказался совершенно исключительнымъ. Въ первый разъ, послѣ революціонныхъ лѣтъ, Царь посѣтилъ театръ. Большой свѣтъ и высшая гражданская и военная бюрократія была объ этомъ освѣдомлена и поэтому и безъ того красивый залъ Маріинскаго театра былъ особенно блестящимъ. Получился импровизированный спектакль - гала.

Государь былъ мнѣ все время отлично виденъ.

Шаляпинъ былъ безподобенъ, и я право не знаю, кто болѣе въ этотъ вечеръ приковывалъ мое вниманіе — театральнй или настоящій Царь. Въ особенности поразителенъ былъ Шаляпинъ, когда онъ, направляясь на цар-

ское вѣнчаніе, идетъ въ Успенскій соборъ, черезъ Красную площадь. Онъ съ необыкновеннымъ талантомъ и проникновеніемъ соединялъ въ исполненіи своей роли два противоположныхъ элемента: предъ вами могучій, сильный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ уже обреченъ на гибель.

Послѣ третьяго дѣйствія, гдѣ на сценѣ изображена боярская дума, занавѣсъ опустился, вдругъ неожиданно, черезъ минуты двѣ, взвился.

Обращенная къ Императорской ложѣ толпа бояръ, на колѣняхъ, имѣя во главѣ Шалапина, запѣла «Боже, Царя храни» подъ аккомпаниментъ могучаго, идеальнаго оркестра Мариинскаго театра, руководимаго волшебною палочкой Направника.

Ко всей этой сценѣ умъ не могъ подойти сразу по пути критики и анализа и всѣми присутствовавшими овладѣли нервы. Красиво это было до жути, мурашки буквально забѣгали у меня по спинѣ. «Боже, Царя храни» было трижды повторено и подхвачено публикою. Такого исполненія гимна я никогда болѣе въ моей жизни не слышалъ.

Государь подошелъ къ барьеру ложи и наклоненіемъ головы отвѣчалъ на восторженныя привѣтствія публики.

Говорили потомъ, что депутація отъ хористовъ, принятая Государемъ въ ложѣ, попросила прибавки содержанія... Говорили, что Государь вообще былъ недоволенъ всею этой манифестаціей, а въ особенности тѣмъ, что артисты стояли на колѣняхъ.

Лѣвая печать и оппозиціонные круги долго не могли простить Шалапину его монархическаго выступленія. Нынѣ (1922 г.) въ кровавой Совдепiи онъ искупилъ свой грѣхъ передъ красными.

Въ Петербургѣ я пробылъ всего только еще одинъ день и успѣлъ посѣтить лишь своего отца и, состоявшаго тогда членомъ Государственнаго Собѣта отъ земства Тульской губерніи, шурина моего, Салтыкова.

Мой старикъ отецъ былъ крайне обрадованъ моимъ блестящимъ назначеніемъ. Салтыковъ же сообщилъ мнѣ довольно пикантную исторію.

Будущій митрополитъ Питиримъ состоялъ въ то время тульскимъ епархіальнымъ архіереемъ и былъ съ Салтыковымъ, какъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, въ хорошихъ отношеніяхъ. Однажды, въ дружеской бесѣдѣ у него сорвалось признаніе, что саратовскій епископъ Гермогенъ — скопецъ, и что этимъ обстоятельствомъ можно объяснить нѣкоторыя странности его характера. Въ молодости, не будучи въ состояніи справиться со своими плотскими страстями, Гермогенъ самъ совершилъ надъ собою операцію оскопленія. Не знаю, насколько эти свѣдѣнія были вѣрны, во всякомъ случаѣ, во внѣшности Гермогена не было ничего скопческаго: у него была борода, правда не особенно пышная, усы, и голосъ у него былъ совершенно нормальный. Вообще Питиримъ въ бесѣдѣ съ Салтыковымъ относился къ Гермогену довольно отрицательно.

24-го января состоялся Высочайшій указъ о назначеніи меня саратовскимъ губернаторомъ, и я вновь пріѣхалъ въ столицу около 23 февраля.

Еще находясь въ Сувалкахъ, я получилъ отъ Гермогена телеграмму, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Привѣтствую въ Вашемъ Превосходительствѣ назначеніе къ намъ, въ Саратовъ, русскаго человѣка. Да ниспошлетъ Господь благословеніе свое на ваши труды въ борьбѣ съ крамолою и жидами».

Слава Богу, подумалъ я, что послѣ двухлѣтней войны съ губернаторомъ, изъ которой епископъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ графъ Татищевъ ушелъ съ поля сраженія, онъ все же ищетъ сближенія со мною. Избытокъ темперамента, вложенный въ послѣднее слово телеграммы, впрочемъ, меня нѣсколько смутилъ.

Я, конечно, отвѣтилъ Гермогену, что надѣюсь на совмѣстную дружную работу и на его святая молитвы.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я засталъ правительственную атмосферу довольно сгущенной.

Въ это самое время, Столыпинъ проводилъ законъ объ учрежденіи земства въ Западномъ краѣ. Законъ этотъ не находилъ сочувствія ни въ Государственной Думѣ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ. Тогда Столыпинъ рѣшился на крайнее средство: распустить обѣ законодательныя палаты на три дня, и въ этотъ промежутокъ времени провести проектъ, въ порядкѣ 87 статьи Основныхъ Законовъ.

Эта мѣра врядъ ли вызывалась дѣйствительною необходимостью. Такой исключительный пріемъ оправдывался бы, если нужный правительству законъ вызывался общегосударственными интересами, напримѣръ, неутвержденіемъ бюджета, или отказомъ въ увеличеніи контингента новобранцевъ или средствъ для укрѣпленія обороны. Введеніе или невведеніе земства въ Западномъ краѣ, какъ бы ни была полезна эта мѣра, имѣло только мѣстное значеніе, а роспускъ палатъ взволновалъ всю Россію. Образомъ дѣйствій Столыпина въ равной степени были недовольны и правые, и лѣвые. Лѣвые потому, что видѣли въ немъ недостаточное уваженіе къ народному представительству, а правые тѣмъ, что въ конечномъ итогѣ пренебрежительное отношеніе къ обѣимъ палатамъ все же падало на Государя, такъ какъ общество наше не приучилось къ конституціонному мышленію, отдѣлявшему монарха отъ его правительства, да и самъ Государь не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія. Многие правые члены Государственнаго Совѣта громко высказывали свое неудовольствіе. В. Ф. Трепову и П. Н. Дурново было предложено выѣхать въ заграничный отпускъ; первый вышелъ въ отставку, а второй подчинился приказанію. Такое отношеніе къ Дурново, за пять лѣтъ передъ тѣмъ спасшему Россію отъ напора революціи, крайне волновало правыхъ, клеймившихъ Столыпина именемъ Бориса Годунова и сравнивавшихъ Государя съ Федоромъ Іоанновичемъ. Какъ нарочно, въ то время на сценѣ шла драма гр. Толстого «Царь Федоръ Іоанновичъ», возбуждая въ обществѣ такія историческія воспоминанія и вызывая воображеніе на столь опасныя сопоставленія.

Говорили, что Государь, согласившійся на роспускъ палатъ, теперь былъ очень этимъ недоволенъ и сталъ относиться замѣтно холоднѣе къ Столыпину. Такъ или иначе, премьеръ почелъ необходимымъ поставить передъ Государемъ вопросъ о довѣріи, но опредѣленнаго отвѣта изъ Царскаго Села не получилъ.

Такія обстоятельства очень осложняли мое положеніе. Иное дѣло ѣхать въ трудную Саратовскую губернію, будучи ставленникомъ стоящаго у власти министра, или при другомъ лицѣ, занявшемъ эту должность, не говоря

уже о томъ, что всѣ обѣщанія, данныя мнѣ Столыпинымъ, съ его уходомъ потеряли всякую цѣну. Возможность ухода министра, конечно, внесла и въ департаменты нѣкоторую нервность, и трудно было заручиться какими - нибудь директивами.

Однако, этимъ не ограничились мои затрудненія. Я получилъ цѣлый рядъ писемъ отъ управлявшаго Саратовской губерніею, вице - губернатора П. М. Боярскаго, въ которыхъ онъ жаловался мнѣ на два реприманда, полученныхъ имъ отъ министра. Первый касался его образа дѣйствій относительно Гермогена; въ этомъ образѣ дѣйствій Столыпинъ усмотрѣлъ отсутствіе формъ внѣшняго уваженія, которыя должны были быть проявлены относительно вышшаго духовнаго лица, а второй — вызывался нѣсколько рѣзкимъ тономъ, который онъ принялъ относительно одного земскаго начальника, мѣстнаго дворянина, на что губернскій предводитель дворянства Ознобишинъ ѣздилъ жаловаться министру въ Петербургъ. Боярскій очень обидѣлся на Столыпина и, приложивъ къ одному изъ писемъ прошеніе объ отставкѣ, просилъ меня передать его Столыпину, въ свою очередь, тоже поставивъ вопросъ о довѣріи.

Такая исторія меня очень разстроила. Боярскій прослужилъ уже года три въ Саратовской губерніи, конечно, долженъ былъ знать мѣстныя обстоятельства и не только могъ быть мнѣ полезнымъ, но являлся прямо необходимымъ. Что бы я сталъ дѣлать съ новымъ вице - губернаторомъ, столь же неосвѣдомленнымъ въ дѣлахъ губерніи, какъ я самъ. Поэтому, я рѣшилъ, по мѣрѣ возможности, смягчить остроту вопроса съ Боярскимъ, на что я находилъ достаточно оснований уже въ одной возможности оставленія своего поста Столыпинымъ. Какой смыслъ былъ для Боярскаго оставлять службу, когда обидѣвшій его министръ и самъ висѣлъ на волоскѣ и могъ быть каждый день уволенъ. Тѣмъ не менѣе, все это было довольно тягостно. За дальностью разстоянія, обмѣняться мнѣніями съ Боярскимъ я не могъ, и мнѣ приходилось дѣйствовать за человѣка, съ которымъ я даже не былъ знакомъ.

Въ ожиданіи приѣма у Столыпина, я посѣтилъ другихъ министровъ. Болѣе другихъ меня интересовалъ оберъ - прокуроръ Святѣйшаго Синода, В. К. Саблеръ. Относительно Иліодора Саблеръ завѣрилъ меня, что онъ прочно засаженъ во Флорищеву пустынь и что Гермогенъ безъ Иліодора не будетъ причинять мнѣ особенныхъ хлопотъ. В. К. просилъ меня держать его въ курсѣ всѣхъ возможныхъ недоразумѣній съ владыкою путемъ частныхъ писемъ, и обѣщалъ мнѣ всякое содѣйствіе въ случаѣ, если бы, противъ чаянія, у меня все - таки возникли столкновенія съ строптивымъ святителемъ. Саблеръ находилъ, что мой предмѣстникъ, гр. Татищевъ, сразу сталъ съ епископомъ и Иліодоромъ на слишкомъ оффиціальную и холодную почву, и что съ ними болѣе мягкими приѣмами, пожалуй, можно было бы поладить.

Посѣтилъ я такъ же, по совѣту Салтыкова, епископа Питирима. Мнѣ было бы полезно, по тактическимъ соображеніямъ, выслушать, хотя бы отъ одного изъ святителей, отрицательное мнѣніе о Гермогенѣ. Впослѣдствіи, въ случаѣ столкновенія съ послѣднимъ, мнѣ удобно было бы опереться на авторитетное мнѣніе. Однако, Питиримъ оказался не глупѣе меня. Когда я его посѣтилъ и сталъ его спрашивать о Гермогенѣ, то рѣшительно ничего не могъ отъ него добиться.

Наконецъ, наступилъ день моего приѣма у министра. Всѣ въ городѣ говорили, что Столыпинъ уходитъ. Въ приемной министра насъ представляющихъ собралось человѣкъ двадцать. Когда министръ принялъ уже трехъ или

четырехъ представлявшихся, прїѣхаль министръ земледѣлія и землеустройства, А. В. Кривошеинъ, и прямо прошелъ въ кабинетъ къ Столыпину. Послѣ болѣе чѣмъ получасовой бесѣды, онъ вышелъ изъ кабинета и на вопросъ одного изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, закусилъ удила, не могъ уговорить...

Для меня стало ясно, что Столыпинъ уходитъ.

Мнѣ крайне нужно было говорить съ нимъ по вопросамъ, касавшимся управленія губерніею и имѣвшимъ для меня чрезвычайно важное значеніе, но какой смыслъ былъ говорить съ министромъ наканунѣ его отставки?

Наступила моя очередь.

Долженъ отдать справедливость Петру Аркадіевичу, что онъ велъ себя съ полнымъ самообладаніемъ и разрѣшилъ всѣ мои вопросы, какъ будто бы собирался еще долго сидѣть въ своемъ креслѣ.

Первый вопросъ мною былъ поставленъ объ Иліодорѣ, можно ли было имѣть увѣренность, что онъ надолго изъять изъ Саратовской губерніи. На этотъ вопросъ министръ отвѣтилъ утвердительно.

— А не проститъ его Государь? — спросилъ я.

— Нѣтъ. На этотъ разъ Государь разсердился и сказалъ, что пора положить конецъ его безобразіямъ; съ этой стороны Вы можете быть спокойны.

— Хорошо, но на какой ногѣ мнѣ быть съ Гермогеномъ?

— Я думаю, что Вы съ нимъ поладите: безъ Иліодора, онъ, во всякомъ случаѣ, будетъ смиреннѣе. Но прошу Васъ соблюдать съ нимъ всѣ внѣшнія формы. Можно писать епископу все, что угодно, можно съ нимъ воевать, но формы нужно соблюдать. Разъ Вы формы нарушите, то онъ всегда окажется въ выигрышномъ положеніи. Вице - губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, и я былъ вынужденъ поставить ему это на видъ.

По инициативѣ министра, вопросъ о Боярскомъ выплывалъ на сцену, и я не могъ его замолчать.

— Да, Боярскій писалъ мнѣ объ этомъ. Онъ очень обиженъ Вашими письмами, какъ по этому дѣлу, такъ и по столкновенію его съ земскимъ начальникомъ, и просилъ меня выяснить, какъ Вы вообще къ нему относитесь; если Вы ему не довѣряете, то онъ уполномочилъ меня передать Вамъ его прошеніе объ отставкѣ...

— Какая нелѣпость! Если всякій вице - губернаторъ станетъ подавать прошеніе объ отставкѣ, когда министръ будетъ указывать ему на его промахи, то управлять вѣдомствомъ станетъ невозможнымъ. Если хочетъ уходить, то пусть уходитъ, это его частное дѣло.

— Вамъ это легко говорить, а мнѣ ѣхать въ новую губернію, да еще съ новымъ вице - губернаторомъ, повѣрьте, не сладко.

— Дѣлайте, какъ хотите. Можете передать мнѣ его прошеніе объ отставкѣ, и я дамъ ему ходъ или оставьте его при себѣ.

— Я предпочитаю послѣднее. Тѣмъ не менѣе, не передавъ Вамъ его прошенія, я долженъ отвѣтить ему, довѣряете ли Вы ему, въ смыслѣ его полезности на службѣ?

Столыпинъ улыбнулся и сказалъ:

— Говорите ему все, что хотите, мнѣ рѣшительно все равно. Это онъ Татищева разыгрываетъ. Кстати о послѣднемъ. Я очень уважалъ и цѣнилъ графа Сергѣя Сергѣевича, но радъ нѣкоторой переменѣ курса въ Саратовѣ.

Татищевъ смѣнилъ меня въ этой губерніи, когда она горѣла огнями революціи, и съ большою энергіею и мужествомъ привелъ ее въ порядокъ. Дѣло было не въ однихъ мужикахъ, но и въ земскихъ либералахъ которыхъ онъ обвѣялъ такимъ холодомъ, что ихъ теперь не видно и не слышно. Но, остудивъ ихъ, онъ и самъ замерзъ. Поза, принятая имъ, вполнѣ соотвѣтствовала обстановкѣ 1906—1907 года, теперь нужно другое, а онъ изъ анабіоза выйти не можетъ. Въ этомъ отношеніи я на Васъ очень рассчитываю... Именно терпимость Вашего характера и остановила на Васъ мой выборъ. Нельзя все время подчеркивать грань «вы и «мы», не только нельзя отталкивать общества, но надо итти ему на встрѣчу. Нельзя стоять все время на почвѣ своего права, права репрессивнаго и ограничивающаго, а надо понять людей, пользоваться ихъ добрыми качествами, эксплуатировать дурныя, а главное не мѣшать жить. Саратовцевъ я хорошо знаю: они очень строптивы; силою съ ними ничего не сдѣлаешь, а ласкою все, что угодно. Губерніею нельзя командовать, ея надо управлять... Ну, простите, больше времени я дать Вамъ не могу, желаю Вамъ счастья и успѣха.

Дня черезъ три я былъ принятъ Государемъ.

— Съ Крайняго Запада на Востокъ, — съ такими словами встрѣтилъ меня Государь.

— Да, Ваше Величество, — сказалъ я, — не ожидалъ я этого и, правду сказать, побаиваюсь.

— Чего?

— Прослуживъ восемнадцать лѣтъ въ Привислинскомъ Краѣ, я не знакомъ ни съ дворянствомъ, ни съ земскимъ дѣломъ, да не знаю и вообще чисто русской жизни.

— Я совершенно увѣренъ въ Васъ, вы справитесь.

— Очень благодарю Ваше Величество за доброе обо мнѣ мнѣніе, но я самъ въ себѣ далеко не увѣренъ и заранѣе прошу снисхожденія, если не оправдаю возложенныхъ на меня ожиданій, къ тому - же еще и Иліодоръ...

— Да уже его нѣтъ, онъ сосланъ въ дальній монастырь.

— На долго - ли, Ваше Величество? Царево сердце милостиво, будетъ очень просить, Вы его простите.

— Нѣтъ, больше не прошу, будьте спокойны.

— А Гермогенъ? Ваше Величество.

— Это другое дѣло, безъ Иліодора онъ будетъ смиреннѣе, но Васъ я тоже прошу быть помягче и всячески щадить въ немъ его высокій духовный санъ; если онъ въ чемъ - нибудь и погрѣшитъ, то это падаетъ на него, но совершенно недопустима какая - то драка между губернаторомъ и архіереемъ, на общую потѣху всѣхъ враговъ порядка.

— Разумѣется, Ваше Величество.

— Ну такъ, вотъ я на Васъ и рассчитываю, а теперь желаю Вамъ успѣха, — сказалъ Государь, протягивая мнѣ руку.

На этомъ аудіенція и закончилась.

На слѣдующій день я поѣхалъ къ Курлову, занимавшему тогда должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей.

Слова министра и оберъ - прокурора и обѣщаніе Государя успокоили меня въ томъ отношеніи, что Иліодоръ прощенъ не будетъ и легально въ

Саратовъ не вернется, но я опасался его побѣга изъ Флорищевой Пустыни и по этому предмету хотѣлъ переговорить съ Курловымъ. Допуская возможность побѣга, я хотѣлъ просить Курлова, чтобы полицейскій приставъ, на котораго было возложено окарауливаніе Иліодора въ такомъ случаѣ непосредственно телеграфировалъ мнѣ въ Саратовъ, дабы я могъ своевременно принять соотвѣтствующія мѣры. Въ порядкѣ - же службы приставъ долженъ былъ телеграфировать исправнику, исправникъ владимірскому губернатору, а послѣдній могъ и не догадаться извѣстить меня, а потому телеграфировалъ - бы въ Петербургъ. При такихъ условіяхъ, полученныя мною свѣдѣнія были бы слишкомъ запоздалыми.

Курловъ принялъ меня съ большою важностью, развалясь въ креслѣ и пыхтя огромною сигарою. Между нами произошелъ слѣдующій краткій разговоръ:

— Я пришелъ просить, Ваше Превосходительство, въ случаѣ побѣга Иліодора . . .

— Иліодоръ крѣпко засаженъ и убѣжать не можетъ.

— Охотно вѣрю, тѣмъ не менѣе, если - бы онъ бѣжалъ, то я прошу . . .

— Повторяю Вамъ, онъ не убѣжитъ . . .

— Но если онъ убѣжитъ . . .

— Если товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ съ Вами больше говорить не о чемъ, имѣю честь кланяться.

Дня черезъ три, въ самый день моего отъѣзда, я зашелъ съ Салтыковымъ въ Учетный банкъ, гдѣ мы встрѣтили Алексѣя Борисовича Нейдгарта, шурина Столыпина.

— Ну что, Петръ Аркадіевичъ остается? — спросилъ его Салтыковъ.

— Гдѣ тамъ, — отвѣтилъ Нейдгартъ, — на дняхъ его похороны по первому разряду, уже Танѣева пригласили въ Царское ризы шить . . . на покойника . . . (Танѣевъ въ то время былъ главноуправляющимъ собственной Е. В. канцеляріей, и на него обычно возлагалась обязанность писать рескрипты уходившимъ сановникамъ. Подъ словами «ризъ шить» Нейдгартъ очевидно понималъ составленіе рескрипта).

Мало утѣшительнымъ показалось мнѣ это извѣстіе, слава Богу, что хоть Боярскаго удержалъ на мѣстѣ.

Кстати отмѣчу, что въ Учетный банкъ я заходилъ для того, чтобы отдать приказъ открыть мнѣ, подъ мои бумаги, кредитъ на значительную сумму въ одномъ изъ саратовскихъ банковъ. Я зналъ, что въ провинціи это сразу сдѣлается извѣстнымъ, и я этимъ думалъ парализовать возможность часто появлявшейся у насъ легенды: «вотъ, безъ штановъ пріѣхалъ, а теперь шесть вагоновъ вещей увезъ».

Да, отмѣчу еще послѣднюю шутку, которую сыгралъ со мною мой тезка.

Какъ разъ въ «Новомъ Времени» въ это время появилось объявленіе:

«Жена, родные и знакомые съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о смерти камергера Высочайшаго Двора, Петра Петровича Стремоухова».

Въ Саратовѣ эта телеграмма произвела большой переполохъ: не успѣлъ новый губернаторъ пріѣхать и уже умеръ. Мѣстныя газеты хотѣли уже написать сочувственный некрологъ, какъ кто - то догадался запросить сначала

Петербургъ. Отвѣтная телеграмма успокоила волненіе. Долженъ отмѣтить, что саратовская пресса (тамъ выходило три газеты) отнеслась вообще сочувственно къ моему назначенію. Въ то время происходило въ Саратовѣ земское собраніе и многіе изъ присутствовавшихъ подѣлились полученными обо мнѣ благопріятными свѣдѣніями. Многимъ въ этомъ отношеніи я былъ обязанъ бывшему прокурору Варшавской судебной палаты, Чебышеву, тогда старшему предсѣдателю Саратовской судебной палаты, и управляющему отдѣленіемъ государственнаго банка, Танкову, знавшему меня по Калишу, гдѣ онъ занималъ ту - же должность.

Наконецъ, 9 - го марта мы сѣли съ женою въ вагонъ, любезно предоставленный мнѣ управленіемъ Рязано - Уральской ж. д., и покатали въ Саратовъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я просилъ Салтыкова срочно держать меня въ курсѣ относительно оставленія своего поста Столыпинымъ и его возможномъ замѣстителѣ.

Резюмируя свои петербургскія впечатлѣнія, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Столыпинъ, очевидно, уйдетъ. Это большая потеря для Россіи; кругомъ не было видно человѣка, который по своему государственному размаху могъ бы даже близко къ нему подойти; еще большей потерей это было для меня. Всякій новый министръ будетъ относиться ко мнѣ какъ къ рядовому губернатору, а Столыпинъ, конечно, смотрѣлъ бы снисходительно на возможные съ моей стороны ошибки. Ну что дѣлать, жилъ до сихъ поръ безъ опеки, проживу и далѣе. Общей политики, разумѣется, буду держаться той, которую указалъ мнѣ Петръ Аркадіевичъ. Если онъ даже и уйдетъ изъ министровъ, то все - же онъ умный человѣкъ, да и губернію знаетъ. Къ тому же примирительная политика отвѣчала не только требованіямъ времени, но и моему личному складу.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, я ознакомился съ всеподданнѣйшими отчетами моихъ предмѣстниковъ и составилъ себѣ о губерніи кое какое общее понятіе.

Саратовская губернія была одною изъ обширнѣйшихъ губерній въ Имперіи. Съ сѣвера на югъ она тянулась около 700 верстъ, а въ ширину раскинулась на 400. Я полагаю, что площадью она была немногимъ меньше Бельгіи и, во всякомъ случаѣ, больше какого-нибудь Вюртенберга. Что бы охарактеризовать размѣры губерніи, скажу, что на сѣверѣ ея, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, водились лоси и глухари и росла клюква, а на югѣ, въ Царицынскихъ степяхъ, бродили сайги (родъ антилопы) и дрофы, вызрѣвалъ чудесный виноградъ и пахали на верблюдахъ. Со своими изгибами Волга протекала по губерніи около 800 верстъ. Населеніе губерніи достигало почти четырехъ милліоновъ; въ губернскомъ городѣ — 250 000, а въ Царицынѣ — 150 000 человѣкъ. Въ преобладающей массѣ населеніе было великорусское; въ Хвалынскомъ уѣздѣ проживали татары, кое - гдѣ была мордва, а въ Камышинскомъ уѣздѣ расположились обширныя нѣмецкія колоніи; кое - гдѣ были вкраплены немногія станицы Астраханскаго казачьяго войска. Промышленность въ губерніи была развита менѣе значительно, а подавляющая часть населенія занималась земледѣліемъ. Нѣкоторыя помѣщичьи латифундіи были громадны и исчислялись десятками тысячъ десятинъ, напримѣръ Баланда — графовъ Шереметевыхъ, Зубриловка — князей Голицыныхъ - Прозоровскихъ, имѣнія графа Орлова-Денисова, Нарышкиныхъ, графа Воронцова - Дашкова. Однако огромная часть

земли была уже во владѣніи крестьянъ. Послѣ революціи 1905 года, съ особою силою отразившейся на Саратовской губерніи, помѣщицьи владѣнія съ каждымъ годомъ, при посредствѣ Крестьянскаго банка, таяли, и путемъ естественной эволюціи вся земля, несомнѣнно, десятка черезъ три лѣтъ, безо всякихъ потрясеній, перешла бы въ крестьянскія руки. Все же, къ моему времени помѣщики были еще богаты и мѣстное дворянское представительство представляло еще изъ себя силу, съ которою надо было считаться. Губернскимъ предводителемъ дворянства состоялъ Владиміръ Ниловичъ Ознобишинъ. Человѣкъ это былъ очень хорошій, добрый въ частной жизни, но, какъ предводитель, несносный, помѣшанный на престижѣ представляемаго имъ сословія и проникнутый идеологіей Союза Русскаго Народа, съ организаціями котораго въ губерніи онъ состоялъ въ самомъ тѣсномъ контактѣ. Большую роль въ мѣстномъ дворянствѣ игралъ и помѣщикъ Панчулидзевъ, состоявшій секретаремъ Объединеннаго дворянства. Человѣкъ это былъ умный, но чрезвычайно неприятный. Земство Саратовской губерніи считалось весьма работоспособнымъ и передовымъ. Во главѣ его стоялъ предсѣдатель губернской управы К. Н. Гриммъ, пользовавшійся репутаціею умнаго и порядчистаго человѣка. Принадлежалъ онъ къ партіи Октябристовъ.

Въ средней и западной части губерніи почву составлялъ глубокой плодородный черноземъ, но особыя климатическія условія часто поражали губернію неурожаемъ, и это сильно отражалось на экономикѣ губерніи и психикѣ ея населенія. Крестьянство отличалось буйнымъ нравомъ, особенно, население мѣстностей, прилегающихъ къ Волгѣ. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и легенды о Пугачевѣ далеко еще не вывѣтрились изъ народной памяти. Саратовская губернія имѣла громкое революціонное прошлое. Чернышевскій и Каракозовъ были саратовцами, Спиридонова и «Бабушка русскоіи революціи», Брешко-Брешковская, усердно въ ней работали. Тутъ же подвизался и сидѣлъ въ тюрьмѣ знаменитый нынѣ Миноръ.

Приблизительно съ такимъ багажомъ освѣдомленности, я выѣзжалъ въ Саратовскую губернію.

11 марта, въ 10 часовъ утра, мы пріѣхали въ Саратовъ. На вокзалѣ я былъ встрѣченъ вице - губернаторомъ, котораго я принялъ въ вагонѣ.

— Ну, что Столыпинъ? — было его первымъ вопросомъ.

— Уходитъ.

— Ну, значитъ, я могу служить.

Вице - губернаторъ сообщилъ мнѣ, что въ парадныхъ комнатахъ меня ожидаетъ депутація отъ города съ головою Коробковымъ.

При самомъ входѣ въ парадныя комнаты, полиціймейстеръ передалъ мнѣ срочную телеграмму. Это была депеша отъ Салтыкова, условленной фразой извѣщавшаго меня въ самой категорической формѣ, что Столыпинъ остается на своемъ посту.

Городской голова сказалъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой выражалъ надежду, что во мнѣ городъ увидитъ второго Столыпина, который теперь, къ скорби всего благомыслящаго русскаго общества, а въ особенности саратовцевъ оставляетъ свой постъ. Я не могу припомнить теперь точно выраженій рѣчи Коробкова, но интересенъ былъ тотъ оттѣнокъ, который придавался уходу Столыпина. Въ этомъ событіи видѣли результатъ давленія справа. Быть можетъ, это и было такъ на самомъ дѣлѣ, но курьезно было

именно то, что непарламентскій образъ дѣйствій Столыпина, выразившійся въ роспускѣ Думы, сразу былъ забытъ съ того момента, что въ Петръ Аркадіевичѣ можно было усмотрѣть жертву давленія правыхъ.

На рѣчь головы, пользуясь телеграммою Салтыкова, я могъ отвѣтить завѣреніемъ, что Столыпинъ остается у власти, что произвело на депутацію весьма пріятное впечатлѣніе, на лицѣ же вице - губернатора отразилось крайнее недоумѣніе.

Съ вокзала мы съ женою проѣхали въ соборъ, гдѣ ожидало меня духовенство, совершившее краткое молебствіе.

Изъ собора я поѣхалъ въ губернаторскій домъ, который поразилъ меня, послѣ сувалкскаго домика, своимъ великолѣпіемъ. Была двухсвѣтная танцевальная зала, столовая человѣкъ на сто и не менѣе двадцати господскихъ комнатъ, довольно безвкусно, но богато мебелированныхъ.

Вообще я долженъ отмѣтить нѣкоторую пышность и величавость саратовскаго губернаторскаго быта, повидимому, установленнаго рядомъ моихъ предшественниковъ.

Когда я ѣхалъ по городу, впереди на одиночкѣ съ пристяжкой скакалъ полиціймейстеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, а сзади на простой одиночкѣ ѣхалъ приставъ.

Съ перваго дня я отмѣнилъ этотъ церемоніаль, показавшійся мнѣ ужасною азіатчиною; къ тому же онъ нарушалъ весь мой стиль. У меня была шорная пара тонконогихъ, кровныхъ, англизированныхъ венгерскихъ кобылъ, кучеръ въ ливреѣ и цилиндрѣ, бритый и, несмотря на то, что онъ былъ воронежскій мужикъ, обладавшій профилемъ чистокровнаго англичанина.

Всю ненужную торжественность я понемногу упразднилъ. Когда я въ первый разъ, съ тросточкою, прошелся одинъ по главной «Нѣмецкой» ул., то это не только взволновало весь городъ, но даже вызвало лестную для меня замѣтку въ мѣстной газетѣ.

Упраздняя пышность, я думалъ, что дѣйствую хорошо. Нынѣ у меня возникаетъ сомнѣніе въ этомъ... Опрощеніе хорошо въ средѣ вполнѣ культурной, ну а при нашей дикости, пышность и недоступность, быть можетъ, и дѣйствовали на воображеніе.

Обѣжавъ губернаторскій домъ, и поговоривъ о самыхъ срочныхъ дѣлахъ съ Боярскимъ, которому я объяснилъ противорѣчіе моихъ словъ относительно ухода Столыпина, сказанныхъ ему и городской депутаціи, и успокоивъ его въ смыслѣ отношенія къ нему министра, я считалъ, что поступилъ въ его дѣлѣ правильно, удержавъ его, во - первыхъ, отъ шага, о которомъ онъ несомнѣнно вполнѣ въ послѣдствіи бы пожалѣлъ, и, во - вторыхъ, сохранивъ для службы этого вполнѣ полезнаго человѣка *).

Затѣмъ поѣхалъ съ визитомъ къ епископу Гермогену.

Когда я спускался по лѣстницѣ, швейцаръ подалъ мнѣ длиннѣйшую шифрованную телеграмму, подписанную Курловымъ. Я послалъ ее для расшифрованія правителю канцеляріи, а самъ поѣхалъ къ Гермогену.

Владыка былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, съ довольно рѣдкою, сѣдѣющей бородкою, нервный и не обладающій свойственной или, вѣрнѣе, выработанной владыками, величавостью. Черные, острые глаза его

*) Передъ Февральской революціей П. М. Боярскій былъ губернаторомъ въ Казани, гдѣ пользовался общимъ расположеніемъ.

все время бѣгали по сторонамъ и оставляли непріятное впечатлѣніе. Въ общемъ, во внѣшности его было что - то еврейское, я не хочу этимъ сказать библейское . . .

Отъ Гермогена я проѣхалъ къ губернскому предводителю дворянства Ознобишину, старшему предсѣдателю судебной палаты Чебышеву, къ сожалѣнію, оставившему Саратовъ — онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, — къ начальнику дивизіи Болотову и къ вице - губернатору:

Когда я вернулся домой, то не прошло и пяти минутъ, какъ пріѣхалъ Гермогенъ съ отвѣтнымъ визитомъ, пожелавшій познакомиться и съ моею женою.

Провожая епископа въ прихожей, я наткнулся на правителя канцеляріи Шульца, подавашаго мнѣ расшифрованную депешу:

По отъѣздѣ епископа, я ее прочелъ.

Вотъ, что она вкратцѣ сообщала:

«8-го числа іеромонахъ Иліодоръ бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни. По всей вѣроятности, онъ направляется въ Царицынъ. Благоволите принять мѣры къ недопущенію его въ городъ и выѣхать лично на мѣсто для устраненія возможныхъ недоразумѣній. За министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-лейтенантъ Курловъ».

Вотъ тебѣ разъ!

Вспомнились мнѣ его слова: «Когда товарищъ министра, завѣдывающій полиціею, говоритъ Вашему Превосходительству, что Иліодоръ не убѣжитъ, то онъ не убѣжитъ!».

Всѣ мои предположенія и надежды рухнули разомъ. Вѣдь я и бралъ - то Саратовскую губернію только въ виду отсутствія Иліодора, при его - же наличности я на это ни за что - бы не пошелъ.

Каково мнѣ было, не зная никого и ничего, не вступивъ даже, какъ слѣдуетъ, въ должность, сразу скакать въ Царицынъ, гдѣ неизвѣстно, что меня и ожидало.

Выѣхать въ тотъ - же день я не могъ. Еще по распоряженію моему изъ Петербурга на 12 число былъ мною назначенъ пріемъ всѣхъ должностныхъ лицъ губерніи. Въ числѣ представлявшихся долженъ былъ быть и весь окружный судъ; мнѣ сказалъ вице - губернаторъ, что прибыли ближайшіе уѣздные предводители дворянства и предсѣдатели управъ. Человѣкъ вообще могло набраться около полтораэта, и пренебречь ими изъ - за какого - то Иліодора я нашелъ невозможнымъ. Къ тому - же торопиться въ Царицынъ не было оснований: если Иліодоръ уже 8 - го числа бѣжалъ изъ Флорищевой пустыни, то 11 числа онъ долженъ былъ уже быть гдѣ - нибудь между Ртищевымъ и Царицынымъ и опередить его у меня не было бы ни малѣйшей возможности. Поэтому я могъ только передать телеграмму Курлова царицынскимъ полиціймейстеру и исправнику, а такъ - же начальникамъ жандармскихъ управленій ж. д. для соотвѣтствующихъ распоряженій.

Однако, тревогамъ этого дня не суждено было окончиться. Вечеромъ пріѣхалъ полиціймейстеръ и доложилъ, что только что убитъ семинаристомъ ректоръ духовной семинаріи, архимандритъ Х. (имя я его забылъ).

Вотъ они, прелести Саратовской губерніи, начинаются! — подумалъ я и невольно пожалѣлъ о своихъ, тихихъ, милыхъ Сувалкахъ.

Пришлось ѣхать въ семинарію... Окровавленный лежалъ несчастный убитый архимандритъ, какъ говорили мнѣ, прекрасный челоуѣкъ.

12 числа состоялся общій пріемъ. Мнѣ впервые пришлось выступать передъ такой большой аудиторіей должностныхъ лицъ, общественныхъ дѣятелей и представителей печати. Большой залъ губернаторскаго дома былъ набитъ биткомъ. Кого тутъ только не было: соборное духовенство, католическій епископъ, суперъ-интендентъ протестантскихъ церквей, муллы, раввины, представители старообрядческой общины, судьи, генералы, ректоръ университета, директора среднихъ учебныхъ заведеній, атаманы станицъ (Астраханскаго войска), желѣзнодорожники, пароходовладѣльцы, консулы, банкиры, дамы патронессы, предводители дворянства, земцы и даже президіумъ мѣстнаго отдѣла Императорскаго общества правильной охоты, поднесшій мнѣ званіе своего почетнаго предсѣдателя и соотвѣтствующій нагрудный знакъ. Сказанная мною привѣтственная рѣчь, въ которой я указалъ на то, что особенно горжусь быть начальникомъ Саратовской губерніи, гдѣ все крупно, и размѣры ея, и размахъ дѣятельности, и богатство, и даже упадающія на нее бѣдствія, какъ по промыслу Божию, такъ и по злой волѣ людей, произвела, какъ мнѣ говорили потомъ, наилучшее впечатлѣніе.

Долженъ отмѣтить, что у саратовцевъ въ высшей степени былъ развитъ свой мѣстный патріотизмъ. Они считали свою губернію первой въ Россіи, себя людьми самыми крупными, и, какъ это ни странно, въ сферу этого преувеличенія вносили и личность своего губернатора. Саратовскій губернаторъ не могъ, по ихъ мнѣнію, быть «кто-то тамъ, такъ себѣ», нѣтъ, это была величина. Имъ особенно льстило, что съ должности саратовскаго губернатора Столыпинъ былъ назначенъ прямо министромъ и весьма скоро послѣ того и Премьеромъ. Если Столыпинъ выбралъ меня для Саратова, то и я что-то большое. Саратовцы могли надѣлать много хлопотъ своему губернатору, но престижъ его оберегали, какъ свой собственный. И на этой стрункѣ саратовскаго патріотизма можно было разыграть не одну административную симфонію.

Послѣ пріема представляющихся, я вновь поѣхалъ къ Гермогену, чтобы переговорить съ нимъ о бѣгствѣ Іліодора и о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять на случай его прибытія въ Царицынъ.

Чувствовалось, что владыка уже зналъ о бѣгствѣ іеромонаха и его планахъ, но скрывалъ это довольно удачно.

Во время моего посѣщенія владыки, правитель канцеляріи привезъ мнѣ только что полученную телеграмму отъ царицынскаго полиціймейстера, извѣщавшаго, что Іліодоръ уже находится на Французскомъ заводѣ близъ Царицына и что мѣры къ недопущенію его въ городъ, а въ особенности въ монастырь, приняты.

Я подѣлился съ Гермогеномъ полученными свѣдѣніями, и онъ сообщил мнѣ, что тоже поѣдетъ въ Царицынъ. Тогда я сталъ уговаривать его ѣхать вмѣстѣ съ мною и совмѣстными усиліями убѣдить іеромонаха добровольно вернуться на мѣсто ссылки. Владыка обѣщалъ мнѣ всякое свое содѣйствіе, объяснивъ, что именно съ этою цѣлью и собирается въ Царицынъ, но ѣхать со мною отказался, говоря, что вліяніе его будетъ сильнѣе, если онъ будетъ дѣйствовать самостоятельно, а не подъ видимымъ давленіемъ свѣтской вла-

сти. Ни мои просьбы, ни перспектива ѣхать въ удобномъ директорскомъ вагонѣ не разубѣдили Гермогена.

Съ собою я захватилъ правителя канцеляріи Ш. и начальника губернскаго жандармскаго управленія, полковника Семигановскаго. Оба были мнѣ крайне нужны, какъ знавшіе всю предшествующую исторію Гермогена и Иліодора.

На этихъ двухъ лицахъ я остановлю на нѣсколько минутъ вниманіе читателя.

Ш. происходилъ изъ мѣстныхъ нѣмцевъ - колонистовъ и получилъ университетское образованіе. Онъ состоялъ уже помощникомъ правителя канцеляріи въ бытность губернаторомъ Столыпина и правителемъ канцеляріи при Татищевѣ. Зналъ онъ дѣло превосходно, работоспособности былъ изумительной... но былъ совершенно равнодушенъ къ дѣлу. Насколько мой сувалкскій Хвалько клалъ душу свою въ работу и любилъ губернатора (не меня лично, а именно губернатора), настолько въ Ш. я чувствовалъ не только равнодушіе, но даже и нѣкоторое недоброжелательство. На все онъ говорилъ «слушаюсь», и выполнялъ всякую работу быстро и превосходно, но мнѣ казалось, что если - бы я приказалъ ему написать величайшую глупость, за которую меня - бы выгнали со службы, то онъ сдѣлалъ - бы это съ особеннымъ удовольствіемъ и представилъ - бы мнѣ къ подписи на веленовой бумагѣ.

Мнѣ кажется, что такое характерное отношеніе къ губернатору этихъ двухъ правителей канцеляріи объяснялось слѣдующимъ. Какъ Хвалько, такъ и Ш. по происхожденію своему принадлежали къ податнымъ сословіямъ. Окончившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ, Хвалько, дослужившись до должности правителя канцеляріи, считалъ себя на верху возможныхъ для него достижений, былъ доволенъ своей судьбою и безо всякаго завистливаго чувства обслуживалъ своего начальника. Напротивъ того, Ш., получившій высшее образованіе, былъ неудовлетворенъ въ своемъ честолюбіи и относился ко мнѣ съ чувствомъ пролетарія къ своему хозяину. «Почему ты, а не я! Вѣдь я - же образованнѣе, а, значитъ, и умнѣе тебя».

Какъ бы то ни было, въ теченіе двухъ лѣтъ, я все время чувствовалъ около себя недоброжелателя, но не считалъ себя въ правѣ его отпустить, такъ какъ работалъ онъ безукоризненно.

Полковникъ Семигановскій былъ наилучшимъ изъ жандармскихъ офицеровъ, встрѣченныхъ на моемъ жизненномъ пути. Онъ былъ всегда уравновѣженъ, тактиченъ, не мѣшался въ сферу, ему не присущую, и, занимая должность начальника районнаго охраннаго отдѣленія, былъ весьма освѣдомленъ въ партійной революціонной работѣ не только въ Саратовской, но и окружающихъ ее губерніяхъ.

До Царицына мнѣ пришлось ѣхать около трехъ дней, проѣхавъ по ж. д. черезъ части Тамбовской и Воронежской губерній и Области Войска Донскаго.

Долженъ здѣсь представить читателю маленькіе кроки моего будущаго театра военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Иліодоромъ.

Въ самомъ городѣ Иліодоръ выстроилъ себѣ огромный монастырь, окруженный хозяйственными постройками на подобіе сплошной стѣны. Церковь и монастырскія постройки были самой грубой, если можно такъ выразиться, бутафорской работы.

Верстахъ въ пяти за городомъ стоялъ, такъ называемый, Французскій заводъ, производившій крупныя металлургическія работы. (Впослѣдствіи онъ былъ приобрѣтенъ извѣстнымъ Виккерсомъ и обращенъ въ пушечный). Заводъ этотъ представлялъ цѣлый городокъ съ пятью, шестью тысячами жителей, изъ которыхъ большая часть, а въ особенности женщины, были ярыми поклонниками Иліодора.

Подъѣзжая къ Царицыну, мы получили свѣдѣнія, что Иліодоръ на одной изъ промежуточныхъ станцій былъ опознанъ и предъявленъ начальнику жандармскаго отдѣленія ж. д. Не знаю, какими именно приемами, Иліодоръ уговорилъ этого офицера, но фактъ, что, несмотря на мое запрещеніе, іеромонахъ былъ пропущенъ далѣе. (Впослѣдствіи этотъ жандармскій офицеръ былъ куда-то переведенъ, а вскорѣ послѣ того получилъ и повышение по службѣ) . . .

Когда мы приѣхали въ Царицынъ, то полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что Иліодоръ съ французскаго завода ушелъ и, несмотря на всѣ принятыя мѣры, уже водворился въ монастырѣ, куда онъ проникъ въ женскомъ платьѣ, и собралъ толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вчера онъ говорилъ проповѣдь, въ которой сообщалъ, что Государь находится въ рукахъ жидомасоновъ - министровъ, изъ которыхъ самый опасный самъ Столыпинъ, что министровъ слѣдуетъ драть розгами, а Столыпина обязательно по средамъ и пятницамъ, чтобы онъ помнилъ постные дни и чтобы выбить изъ него масонскій духъ.

Кромѣ приведенной ранѣе телеграммы Курлова, я не имѣлъ никакихъ указаній, но мнѣ казалось, что ранѣе всего надо было потребовать отъ Иліодора немедленнаго возвращенія въ мѣсто ссылки и въ случаѣ неповиновенія арестовать.

Я послалъ полиціймейстера въ монастырѣ и приказалъ Иліодору немедленно ко мнѣ явиться.

Вскорѣ полиціймейстеръ, Василевскій, вернулся и доложилъ, что Иліодоръ просилъ мнѣ передать, что онъ не подумаетъ ко мнѣ являться, а что, если я интересуюсь его видѣть, то я могу и самъ пожаловать къ нему въ монастырѣ. Это была уже прямая дерзость и на нее слѣдовало соотвѣтственно реагировать.

Въ тотъ - же день, за наступленіемъ поздняго времени, ничего уже предпринять было невозможно.

На слѣдующій день приставъ съ нарядомъ стражниковъ вошелъ въ монастырскую ограду. Иліодора въ кельѣ не оказалось. Онъ служилъ молебень и находился въ алтарѣ. Приставъ, конечно, въ алтарь войти не рѣшился, но со стражниками остался въ церкви, ничего не предпринимая и выжидая болѣе благопріятной обстановки для ареста.

Иліодоръ, стоя на амвонѣ, съ возможностью ежеминутно уйти въ алтарь, произнесъ громовую проповѣдь противъ царскихъ опричниковъ, дерзнувшихъ кощунственно своимъ присутствіемъ нарушить святость монастыря и церкви, и заявилъ, что отнынѣ онъ изъ алтаря выходитъ не будетъ и перестанетъ принимать пищу и питье, пока гоненія противъ него не прекратятся.

Многочисленная толпа слушала проповѣдь, поддакивая Иліодору въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, женщины плакали и умоляли «батюшку» не обрекать себя на голодную смерть.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорилъ Иліодоръ, — мнѣ ничего кромѣ смерти не остается.

Когда толпа было доведена уже до состоянія бѣлаго каленія, Иліодоръ сказалъ, что только она, толпа, можетъ спасти его и, тѣмъ самымъ, приготовить себѣ мѣсто въ царствіи небесномъ. Надо послать телеграмму Государю и просить оставить его, Иліодора, въ Царицынѣ, а до полученія отвѣта онъ, все равно, ни пить, ни ѣсть не будетъ. Откуда - то появился листъ бумаги съ заранѣе заготовленнымъ текстомъ телеграммы, который моментально былъ покрытъ сотнями подписей присутствовавшихъ, отсутствовавшихъ и никогда не существовавшихъ поклонниковъ іеромонаха.

— А теперь, — сказалъ Иліодоръ, указывая на стражниковъ, — этихъ фараоновъ изъ дома Божія надо выгнать.

Моментально толпа набросилась на стражниковъ, вырвала у нихъ шашки, сорвала револьверы, а самихъ стражниковъ, сильно помявъ, выбросила за стѣны монастыря. Особенно неистовствовали женщины.

Телеграмма Государю была отправлена. По произведенному разслѣдованію едва одна десятая часть подписей была дѣйствительна, остальные оказались апокрифическими.

Что мнѣ надо было дѣлать?

Ранѣе всего, я протелеграфировалъ Столыпину самымъ подробнымъ образомъ о всемъ происшедшемъ въ Царицынѣ, включая и рѣчь Иліодора, находившаго нужнымъ сѣчь министра по средамъ и пятницамъ. Затѣмъ я выяснилъ наличность въ городѣ государственной стражи. Результатъ оказался плачевнымъ: съ такимъ количествомъ стражи отрытою силою взять Иліодора было невозможно. Кромѣ того, меня тревожилъ вопросъ, можно ли, съ точки зрѣнія закона, произвести арестъ въ алтарѣ. Приглашенный на совѣщаніе товарищъ прокурора не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, но склонялся къ мысли, что это не допустимо; съ житейской точки зрѣнія это казалось и мнѣ несомнѣннымъ *).

Произведенною развѣдкой было установлено, что изъ алтаря былъ прямой ходъ въ келью Иліодора, въ которой онъ преблагополучно и пребывалъ, при малѣйше подозрительныхъ признакахъ, переходя въ алтарь.

Не зная достаточно личныхъ свойствъ мѣстныхъ чиновъ полиціи, я завелъ въ монастырѣ особыхъ агентовъ, даже принадлежавшихъ къ мѣстной интеллигенціи, которые передавали мнѣ въ точности рѣчи Иліодора. Вскорѣ изъ сопоставленія этихъ сообщений и донесеній полиціи я убѣдился въ полной добросовѣстности послѣдней.

Находя, при создавшихся условіяхъ, почти невозможнымъ изъятіе Иліодора изъ монастыря, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Гермогена, памятуя его обѣщаніе, всемѣрно мнѣ помочь привести къ повиновенію строптиваго монаха.

Наконецъ, дня три спустя послѣ меня, пріѣхалъ и владыка. Онъ остановился у своего пріятели, директора реального училища (фамилію его я забылъ), и не повидавшись со мною, прямо проѣхалъ въ монастырь.

Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго.

*) При арестѣ всегда можно ожидать сопротивленія, поэтому, понятно, что арестующій долженъ быть вооруженъ. По канонамъ — въ алтарь входитъ съ оружіемъ запрещено.

Вскорѣ мои агенты доложили мнѣ слѣдующее.

Святитель былъ встрѣченъ Иліодоромъ у вратъ церкви. Они облобызались и затѣмъ прошли въ алтарь, гдѣ пробыли около часа. Затѣмъ оба совершили молебствіе, послѣ котораго владыка сказалъ слово, въ которомъ высказалъ жалобы на несправедливое преслѣдованіе достопочтеннаго брата Иліодора правительствомъ, выражалъ радость тому, что іеромонахъ разбилъ оковы своей темницы и теперь находится въ средѣ вѣрующей и любящей его братіи и народа православнаго. Епископъ призывалъ присутствовавшихъ сплотиться около іеромонаха и грудью защищать его отъ возможности какого бы то ни было надъ нимъ насилія.

Вотъ какъ епископъ исполнилъ свое обѣщаніе, данное представителю правительственной власти!

Тѣмъ не менѣе, забравъ свои нервы въ руки, я поѣхалъ къ владыкѣ, и говорилъ съ нимъ, будто бы ничего не знаю о его выступленіи въ монастырѣ.

Гермогенъ принялъ меня съ обычною ласковостью и сказалъ, чтобы я потерпѣлъ, что іеромонаха надо оставить въ покоѣ, а что самое цѣлесообразное ожидать результата ходатайства передъ Царемъ всего народа объ его помилованіи.

Стало уже окончательно ясно, что на архіерея мнѣ разсчитывать болѣе нечего.

Тѣмъ временемъ моя агентура установила, что въ монастырскомъ зданіи собралось болѣе пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли при себѣ оружіе, количество же накопленной мною стражи не превышало ста пятидесяти человѣкъ.

Изъ Петербурга, тѣмъ временемъ, никакихъ извѣстій не приходило. Наконецъ, числа 22-го, совершенно неожиданно для меня, пріѣхалъ, командированный Курловымъ, вице - директоръ департамента, Н. П. Харламовъ.

— Ну, что, — спросилъ я его, — чего они отъ меня хотятъ?

— Право, не знаю, — отвѣтилъ онъ. — Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, Ваши телеграммы еще не были получены, а меня командировалъ Курловъ въ помощь Вамъ, въ томъ предположеніи, что Вамъ, какъ едва вступившему въ должность, будетъ очень трудно.

— Трудно - то, трудно, но при чемъ Вы - то тутъ? Вѣдь всякое рѣшеніе я могу принять только на свою голову, и за все, какъ начальникъ губерніи, буду отвѣчать одинъ, ссылаться же на васъ я не могу.

— Совершенно съ Вами согласенъ, и я самъ, въ сущности, не знаю, для чего я здѣсь.

Долженъ отмѣтить, что несмотря на всю фальшивость нашихъ взаимоотношеній, Харламовъ принялъ правильную *ligne de conduite* и нисколько мнѣ не мѣшалъ. Это былъ вообще разумный и порядочный человѣкъ.

Во время продолжительныхъ разговоровъ между нами, Харламовъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что хотя Столыпинъ и остался на своемъ посту, но все же его положеніе сильно пошатнулось, въ особенности въ Царскомъ Селѣ, гдѣ ему не могли простить вовлеченіе Государя въ совершенно ненужный роспускъ Думы и Государственнаго Совѣта и принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ правыхъ его членовъ. По словамъ Харламова, открытую агитацію вели правые, ловко натравленные на это лѣвыми кругами.

Иліодоръ ежедневно служилъ обѣдни и говорилъ проповѣди. По поводу прїѣзда Харламова онъ разразился, приблизительно, слѣдующимъ: «Отовсюду воронье слетается, прїѣхали губернаторъ, жандармы, главный сыщикъ изъ Петербурга — и никого - то я не боюсь. Прогоню новаго губернатора, какъ я прогналъ Ирода - Татищева, а если онъ сунется ко мнѣ, то я защищу свой монастырь, какъ преподобный Авраамій Палицынъ Троицко - Сергіевскую Лавру отъ поляковъ, вѣдь не выдадите меня честной народъ православный?»

— Не выдадимъ батюшка, — ревѣла ему въ отвѣтъ толпа.

Моя агентура донесла мнѣ, что Иліодоръ постоянно носитъ на себѣ запасные дары и, если полиція попробуетъ его арестовать, разсыплетъ ихъ, чтобы обвинить ее въ кощунствѣ.

Числа около 22-го я получилъ отъ Гермогена письмо слѣдующаго содержания:

«Предполагая при участіи духовенства и свѣтскихъ лицъ обсудить вопросъ, какъ поступить далѣе въ дѣлѣ съ достоуважаемымъ батюшкою Иліодоромъ, прошу Ваше Превосходительство пожаловать на означенное засѣданіе сегодня вечеромъ, въ 6 часовъ».

Я конечно рѣшилъ не ѣхать. Обсуждать было нечего. Иліодоръ долженъ былъ покориться и отдаться гражданской власти. Кромѣ того, я не могъ не опасаться возможности рѣзкихъ выходокъ со стороны Гермогена, по моему, или высшихъ властей адресу. Промолчать мнѣ было неудобно, а отвѣчать тѣмъ же, было бы не тактично и шло бы наперекоръ, выраженной мнѣ Государемъ воли. Я даже склонялся къ мысли, что Гермогенъ нарочно создавалъ такое совѣщаніе, чтобы какъ -нибудь спровоцировать меня на какую-нибудь неосторожность и тѣмъ скомпрометировать.

Такое же приглашеніе получили и царицынскіе полиціймейстеръ и исправникъ.

Отвѣтивъ епископу, что я по нездоровью не могу принять его приглашенія, я разрѣшилъ вышеназваннымъ должностнымъ лицамъ отправиться на совѣщаніе, внимательно все выслушивать, но на всѣ вопросы отмалчиваться, ссылаясь на отсутствіе указаній со стороны начальства.

На слѣдующій день оба протоколярно доложили мнѣ рѣчь Гермогена, изъ которой я приведу одинъ абзацъ:

«Сюда, въ Царицынъ, наѣхали всѣ власти съ губернаторомъ во главѣ. Святой монастырь окруженъ полиціею, какъ разбойничье гнѣздо, и нашего достоуважаемаго батюшку Иліодора оскорбляютъ какъ какого -нибудь преступника . . . и не подыметъ ся ничья рука, чтобы отмстить за него . . . Вотъ, когда извѣстную революціонерку, Марусю Спиридонову оскорбилъ приставъ, то нашлись же люди, которые за нее отмстили, а нашего батюшку оскорбляютъ безнаказанно».

Выводъ изъ этой фразы предоставляю сдѣлать читателю.

Обо всемъ этомъ я сообщилъ срочными телеграммами министру и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

На слѣдующій день полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что на квартирѣ у епископа въ реальномъ училищѣ вновь состоится многолюдное собраніе и что по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ немъ будетъ участвовать и Иліодоръ, который проберется для этого тайкомъ изъ монастыря.

Я приказалъ полиціймейстеру поставить заставы и по возможности арестовать іеромонаха при прослѣдованіи въ реальное училище.

— А, какъ быть, — спросилъ полиціймейстеръ, — если онъ, минуя заставы, все - таки окажется въ училищѣ?

— Арестуйте его тамъ.

— Ваше Превосходительство, это невозможно. Я увѣренъ, что онъ ни на минуту не отойдетъ отъ Его Преосвященства и что при попыткѣ ареста владыка за него ухватится и придется его отдирать силою. Какъ бы при этомъ невольно, а можетъ быть и при провокаціи съ его стороны, не оскорбить архіерея, а вѣдь въ такомъ случаѣ худо будетъ.

— Вы правы. Однако же это техническія затрудненія, надо обдумать, какъ ихъ преодолѣть.

— Трудновато, Ваше Превосходительство.

— А вотъ, Вы какъ поступите. Поѣзжайте на совѣщаніе, захватите съ собою нѣсколько переодѣтыхъ городскихъ и агентовъ и сами весь вечеръ ведите себя не только смирно, но даже предупредительно. Когда совѣщаніе кончится и уже всѣ будутъ выходить по лѣстницѣ, постарайтесь протиснуться между владыкою и Іліодоромъ. Агентовъ поставьте на лѣстницѣ и, когда вы съ ними поравняетесь, рѣзко толкните іеромонаха въ руки агентовъ, а сами, въ самой почтительной позѣ, загородите его отъ епископа, а агенты пусть уже волочатъ Іліодора въ приготовленные сани и везутъ на вокзалъ; тамъ будетъ ожидать вагонъ съ локомотивомъ подъ парами и мы увеземъ его, куда слѣдуетъ.

— Ваше Превосходительство, какъ я его толкну, вѣдь онъ духовное лицо.

— Въ моихъ глазахъ это бунтовщикъ и больше ничего.

— Вы отдаете мнѣ такое категорическое приказаніе?

При этихъ словахъ полиціймейстеръ обвелъ присутствовавшихъ глазами, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели.

— Да, это категорическое приказаніе.

— Слушаюсь. Будетъ исполнено.

Этого приказанія не пришлось приводить въ исполненіе, можетъ быть, на мое счастье. Іліодоръ на совѣщаніе не пріѣхалъ.

Въ слѣдующую за тѣмъ ночь я получилъ сразу двѣ телеграммы. Первую отъ Саблера, который сообщалъ мнѣ указъ Синода, приказывающій Іліодору немедленно отправиться на мѣсто ссылки съ обращеніемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою, въ случаѣ неповиновенія Іліодора, привести указъ Синода въ исполненіе административными мѣрами. Вторая телеграмма была отъ Курлова, подписавшаго «За министра» и предлагавшаго къ немедленному и неуклонному исполненію просьбы Синода. Копія синодскаго указа одновременно и непосредственно была сообщена оберъ - прокуроромъ и Гермогену.

Въ виду сего, на слѣдующій день я написалъ письмо Гермогену, прося его увѣдомить, для соотвѣтствующихъ распоряженій, гдѣ и когда, въ тотъ же день, Іліодоръ будетъ переданъ администраціи.

На это письмо, посланное съ нарочнымъ, епископъ мнѣ не отвѣтилъ, а поѣхалъ въ монастырь.

Монастырь былъ переполненъ народомъ. Я уже давно принялъ мѣры къ недопущенію въ него новыхъ посѣтителей, но ранѣе проникшая въ него толпа не выходила, ночуя въ монастырскихъ зданіяхъ и самой церкви. По полученнымъ свѣдѣніямъ, санитарныя условія въ монастырѣ стали уже со-

вершенно нестерпимыми. Одно время я останавливался на мысли не допустить туда пищи и тѣмъ вынудить поклонниковъ Иліодора оставить монастырь, но потомъ отказался отъ нея. Иліодоръ, имѣвшій громадное, исключительное вліяніе на толпу, сумѣлъ бы привести ее къ голодовкѣ, и я создалъ бы, себѣ на голову, толпу мучениковъ.

Полицейскій офицеръ попытался было не пропустить и епископа въ монастырь, но, не получивъ на это спеціальнаго указанія, не рѣшился выполнить своего первоначальнаго намѣренія.

Полученіе Гермогеномъ и Иліодоромъ указа Синода произвело на нихъ впечатлѣніе совершенно противное ожидавшемуся. Оба рѣшили Синоду не подчиняться. Епископъ и іеромонахъ произнесли проповѣди самага возмутительнаго, анархическаго характера, отвергающія всякую власть, какъ духовную, такъ и свѣтскую, причемъ члены Синода, оберъ-прокуроръ, министры и я подвергались самымъ тяжелымъ и грубымъ оскорбленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иліодоръ заявилъ, что онъ снимаетъ съ себя клятву голодовки, такъ какъ не «стоитъ», де, себя мучить изъ-за такихъ дрянныхъ людей, какъ нынѣшняя свѣтская власть и іерархи церкви. Народъ принялъ это заявленіе восторженно.

— Кушай, батюшка, кушай на здоровье, — вопила толпа.

Едва недѣлю передъ тѣмъ, этотъ человѣкъ всенародно клялся голодать, пока не получитъ прощенія, а теперь, по случаю своего новаго осужденія наиболѣе компетентною духовною властью, отъ исполненія клятвы отказался. Отсутствие логики въ поступкахъ и наглое клятвopреступленіе исчезали въ сознаніи толпы отъ гипнотизирующаго краснорѣчія этого наглаго авантюриста.

Въ своей проповѣди Гермогенъ призывалъ паству къ защитѣ батюшки Иліодора, до послѣдней капли крови.

Толпа была нафанатизирована до крайняго предѣла. Женщины рыдали, со многими сдѣлались истерики, а мужчины, грубые и сильные царицынскіе босяки, потрясали кулаками и клялись сокрушить всякаго, кто посмѣетъ попытаться дотронуться до іеромонаха.

Съ того времени Гермогенъ почти не выходилъ изъ монастыря и вмѣстѣ съ Иліодоромъ день и ночь доводили многочисленную толпу до бѣлаго каленія.

О создавшейся обстановкѣ я телеграфировалъ Саблеру и министру, на что вновь получилъ телеграмму отъ Курлова, предлагавшаго, невзирая ни на что, арестовать Иліодора.

Въ одной изъ очередныхъ проповѣдей Гермогенъ заявилъ, что не допуститъ ареста Иліодора, и что онъ встанетъ между нимъ и слугами сатаны и не дастъ имъ дотронуться до святаго человѣка, ограждая его Святымъ Крестомъ... пусть только дерзнуть къ нему прикоснуться.

Положеніе мое было самое отчаянное. Нельзя было оставлять Иліодора безнаказаннымъ, но страшно было и рисковать столкновеніемъ чисто физическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кощунственнымъ съ лицомъ, облеченнымъ въ санъ святителя. Къ тому же съ полутора ста стражниками нельзя было и думать взять монастырь открытою силою. Я могъ вызвать войска и сдѣлать это при ихъ содѣйствіи, но сколько бы это стоило крови и, при томъ, крови невинныхъ жертвъ преступнаго, гипнотизирующаго воздѣйствія наглаго монаха и потакавшаго ему изувернаго іерарха.

Полагая, что я недостаточно ярко изобразилъ создавшуюся обстановку, я вновь все вышеизложенное изложилъ въ длиннѣйшей шифрованной депешѣ министру, указывая на всѣ тягостныя послѣдствія попытки ареста Иліодора. На эту телеграмму я получилъ отвѣтъ, опять таки отъ Курлова, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Предлагаю къ неуклонному и немедленному исполненію. Прикажете наряду полиціи ночью войти въ монастырь, схватить Иліодора. Заготовьте сани и шубу и по Волгѣ отправьте его въ Х.»

Неисполнимость приведеннаго распоряженія была въ глаза. Какъ будто бы нарядъ полиціи могъ войти въ монастырь и взять Иліодора, какъ барана. Ворота запирались на ночь. Вездѣ были поставлены караулы, какъ въ осажденной крѣпости, съ дубинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. При малѣйшей тревогѣ, вся собравшаяся въ обители толпа всколыхнулась бы, какъ одинъ человекъ. Съ колокольни забили бы въ набатъ и много тысячъ поклонниковъ Иліодора, находившихся еще внѣ стѣнъ монастыря, потекли бы къ мѣсту происшествія, имѣя во главѣ епископа Гермогена со Святымъ Крестомъ въ рукахъ. Полиціи, въ лучшемъ случаѣ, пришлось бы позорно ретироваться, а въ худшемъ случаѣ, быть избитой или даже перебитой. Пришлось бы вызывать войска. Представляю читателю самому нарисовать себѣ дальнѣйшую картину.

Приведеніе въ исполненіе распоряженія Курлова привело бы къ кровавымъ событіямъ въ Царицынѣ, слухъ о которыхъ, преувеличенный и разукрашенный стоустою молвою, облетѣлъ бы всю Имперію и едва ли не всю Европу, къ вящему удовлетворенію враговъ правительства и Россіи.

Кто могъ быть заинтересованъ въ этомъ?

Меня давно уже угнетала мысль, почему на всѣ мои депеши я не получаю отвѣта отъ самого Столыпина, а всѣ телеграммы отъ министра подписаны за него, Курловымъ. Я зналъ, что Столыпинъ очень интересовался дѣломъ Иліодора, почему такое равнодушіе казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Признаюсь, что иногда посѣщали меня недобрыя мысли: посадилъ - де меня въ эту грязную исторію, а теперь и ухомъ не ведешь! Однако, зная характеръ Петра Аркадьевича, его всегдашнюю готовность брать на себя инициативу и отвѣтственность, я отметалъ эти мысли. Но гдѣ же тогда причина его молчанія? И вотъ я пришелъ къ заключенію, что просто онъ не тѣмъ занятъ. Послѣдствія его образа дѣйствій относительно Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, начавшаяся противъ него интрига, борьба за власть и упроченіе своего положенія въ Царскомъ Селѣ захватили все его вниманіе и всѣ остальные дѣла, какъ текущія, онъ передалъ, по принадлежности, своимъ товарищамъ, а потому и царицынскій эпизодъ, отошелъ въ вѣдѣніе Курлова, который даже и не посвящаетъ въ него министра... Словомъ, мнѣ думалось, что Столыпинъ просто ничего не знаетъ.

Къ чему привело бы точное исполненіе мною требованія Курлова? Къ громадному скандалу. Кровавыя событія въ Царицынѣ были бы на руку всѣмъ недоброжелателямъ Столыпина, и справа, и слѣва и, пользуясь ими, министру могъ быть нанесенъ послѣдній ударъ.

Никто бы не сталъ разбирать, распоряженія ли Курлова или министра вызвали царицынскія событія, отвѣтственность за все несъ министръ, къ тому же ставшій мишенью для всѣхъ стрѣлъ оппозиціи.

Каково же было бы мое личное положеніе во всей этой исторіи?

Конечно, я могъ всегда сослаться на то, что совершившіяся событія являются прямымъ послѣдствіемъ точнаго исполненія данныхъ мнѣ Курловымъ указаній, но это было бы плохой защитой. Для обвинителей являлось бы всегда оружіемъ, выставляемая въ такихъ и основательно забываемая во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, самостоятельность губернаторовъ, вытекающая изъ природы губернаторской власти. У начальства же всегда являлась возможность, отстаивая правильность данныхъ имъ указаній, обвинять меня въ неумѣломъ ихъ выполненіи: кабы дѣло было исполнено «съ тактомъ», то все бы и кончилось хорошо, ну, а вотъ, губернаторъ не сумѣлъ этого сдѣлать, значить, онъ и виноватъ.

По силѣ всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился на крайнее средство, совершенно выходящее изъ всѣхъ обычаевъ и установленныхъ іерархическихъ отношеній. Я написалъ въ Петербургъ слѣдующую, приблизительно, шифрованную телеграмму:

«Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Петру Аркадьевичу Столыпину, въ собственныя руки.

Въ теченіе десяти дней я доношу Вашему Превосходительству о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Царицынѣ. Всѣ отвѣты на мои телеграммы я получаю не отъ Васъ, а отъ «За министра Внутреннихъ Дѣлъ, генераль - лейтенанта Курлова», предъявляющаго ко мнѣ требованія, исполненіе которыхъ приведетъ къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Царицынскій монастырь захваченъ толпою нафанатизированныхъ и вооруженныхъ поклонниковъ Иліодора въ пять, шесть тысячъ человекъ, предводительствуемой сумасшедшимъ и преступнымъ монахомъ и, покрывающимъ его святостью своего сана, епископомъ. Предварительно принятія мною мѣръ къ штурму православными войсками и полиціею православнаго монастыря, защищаемаго епископомъ православной церкви, съ неизбежными кровавыми жертвами съ обѣихъ сторонъ, исчисляемыми сотнями людей и тоже неизбежнымъ святотатствомъ, случая безпримѣрнаго въ исторіи Россійскаго государства, прошу испросить на сіе предварительное Его Императорскаго Величества соизволеніе».

Телеграмма эта была отправлена 24 марта, часовъ около 7 вечера.

Съ волненіемъ ожидалъ я отвѣта.

Тревожило меня, ранѣе всего, рѣшеніе дѣла по существу, а затѣмъ и моя личная отвѣтственность.

Телеграммы «За министра» были юридически равносильны телеграммамъ самого министра. Я отказывался ихъ исполнять безъ предварительной санкціи Государя. Это было выраженіемъ недовѣрія подчиненнаго къ самому министру, еслибы онъ захотѣлъ телеграммы своего товарища покрыть своимъ именемъ, что только и было бы въ порядкѣ вещей. Кромѣ того, редакція моей телеграммы прямо намекала на допускаемую мною возможность, что всѣ полученныя мною распоряженія шли помимо министра и безъ его вѣдома. Это было уже прямое обвиненіе противъ всемогущаго товарища министра, завѣдывающаго полиціей. Я, очевидно, ставилъ все свое настоящее и служебное будущее на карту.

Ночью въ 5 часовъ меня разбудили.

Это была телеграмма отъ Столыпина.

Вотъ ея содержаніе:

«Прошу Ваше Превосходительство прекратить всякія дѣйствія противъ монастыря и Иліодора и отбыть въ Саратовъ.

Столыпинъ».

Читатель пойметъ, какъ я былъ счастливъ.

Во - первыхъ, отпадала перспектива дѣйствій противъ монастыря, послѣдствія которыхъ, каковы бы они ни были, всегда тяжелымъ камнемъ легли бы на мою совѣсть, во - вторыхъ, у меня было сознаніе, что я правильно разобрался въ сложной конъюнктурѣ современныхъ обстоятельствъ, въ - третьихъ, я несомнѣнно оказалъ услугу государственному человѣку, сохраненіе котораго у власти я считалъ величайшимъ благомъ родины, въ - четвертыхъ, я проявилъ смѣлость и самостоятельность, давшая мнѣ большое нравственное удовлетвореніе, въ - пятыхъ, я могъ спокойно вернуться въ Саратовъ изъ опротивѣвшаго и измучившаго меня Царицына.

Прошу читателя повѣрить, что я мало спалъ эти десять ночей, и что такіе эпизоды не легко даются, и что, кромѣ «ничего не дѣлавшихъ помпаду-ровъ», не многія должностныя лица переживали такіе дни и ночи.

На слѣдующій день, въ праздникъ Благовѣщенія, въ 1 часъ дня я уѣзжалъ изъ Царицына.

По свойственной Саратовской губерніи торжественности, меня провожала цѣлая толпа должностныхъ лицъ и нотаблей. Вдругъ, черезъ толпу провожавшихъ, протискивается монашекъ, съ низкимъ поклономъ подаетъ мнѣ просфору и говоритъ:

— Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка, прислалъ Вашему Превосходительству сію просфору, съ пожеланіемъ счастливаго пути.

Я и всѣ присутствующіе поняли всю язвительность, заключающуюся въ этихъ словахъ.

— Передайте Его Преосвященству, — сказалъ я, — что я столь же искренно желаю ему счастливо оставаться.

Пріѣхавшій приставъ доложилъ мнѣ, что епископъ Гермогенъ, по случаю моего отъѣзда, произнесъ въ монастырѣ слово, въ которомъ сравнивалъ Иліодора съ пташками, выпускаемыми въ праздникъ Благовѣщенія добрыми христіанами на волю, а потомъ служилъ Литургію. Затѣмъ Гермогенъ и Иліодоръ съ сонмомъ духовенства, вызваннаго епископомъ, совершили въ бѣлыхъ ризахъ крестный ходъ кругомъ монастыря.

Сѣвъ въ вагонъ, я по обычаю своему, попытался проанализировать совершившіяся событія.

Напоминаю ихъ читателю.

Курловъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ непосредственнаго сообщенія о предполагавшемся мною побѣгѣ Иліодора, что дало бы мнѣ возможность предотвратить проникновеніе Иліодора въ монастырь, каковое обстоятельство измѣнило бы весь ходъ событий. Иліодоръ несомнѣнно не особенно крѣпко былъ окарауленъ, если смогъ бѣжать. Жандармскій желѣзно - дорожный офицеръ пропустилъ іеромонаха въ Царицынъ, несмотря на полученное отъ меня запрещеніе. Телеграммы Курлова вызывали меня на образъ дѣйствій, о которыхъ закричала бы вся Россія и послѣдствія которыхъ могли бы свалить министра. При первой же телеграммѣ, полученной отъ меня непосред-

ственно министромъ, всѣ дѣйствія противъ монастыря и Иліодора были имъ прекращены. Прибавьте къ этому, что упомянутый выше жандармскій офицеръ, непосредственно подчиненный Курлову, вскорѣ получилъ повышение по службѣ и что при ближайшемъ свиданіи со мною (въ маѣ) Столыпинъ встрѣтилъ меня фразою: «Искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій въ Царицынѣ».

Предоставляю читателю сдѣлать выводы самому. Скажу лишь, что, когда послѣ убійства Столыпина, Гучковъ въ Государственной Думѣ сказалъ рѣчь, обвинявшую Курлова въ преступной небрежности въ охранѣ министра (обвиненіе, кстати сказать, никогда не бывшее опровергнутымъ), то я ей нисколько не удивился. По всей видимости, кто-то подготовлялъ Столыпину гражданскую смерть уже въ Царицынѣ.

Какъ могъ усидѣть на мѣстѣ Курловъ послѣ царицынскихъ событій, несомнѣнно указывающихъ на то, что товарищъ министра, въ такомъ важномъ дѣлѣ, дѣйствовалъ помимо своего патрона, не держа его даже въ курсѣ происходившаго, такъ какъ лишь только министръ былъ освѣдомленъ о положеніи вещей, то онъ немедленно отмѣнилъ всѣ распоряженія своего товарища, — совершенно непонятно.

Здѣсь, увы, мы прикасаемся уже къ тайнамъ Царскосельскаго Дворца, столь ужасно отразившимся на гибели Царской семьи, династіи и Россіи: Курловъ умѣлъ находить поддержки. Нѣсколько дней спустя мнѣ была доставлена фотографическая группа, изображающая епископа Гермогена, Иліодора и... Распутина. Въ 1916—17 годахъ Курловъ и Распутинъ, Протопоповъ и д-ръ Бадмаевъ составляли одну компанію...

По возвращеніи моемъ въ Саратовъ, мнѣ ранѣе всего пришлось приняться за визиты всѣмъ лицамъ, посѣтившимъ меня на слѣдующій день по водвореніи моемъ въ губернаторскомъ домѣ. При этомъ произошелъ одинъ эпизодъ, довольно ярко характеризующій взаимоотношеніе вѣдомствъ въ послѣдніе годы императорской Россіи.

Въ числѣ саратовскихъ учрежденій была и Судебная Палата. Нужно здѣсь отмѣтить, что только отношенія между гражданскими и военными властями были опредѣленно очерчены въ законѣ и, поэтому, никогда не вызывали недоразумѣній; взаимоотношенія же между другими вѣдомствами, основывались на обычаяхъ, тактѣ, прецедентахъ и тому подобныхъ условностяхъ. Между прочимъ, особенно тонкими были взаимоотношенія между губернаторомъ и Судебною Палатою. Послѣдняя имѣла сферою дѣятельности нѣсколько губерній, старшій предсѣдатель ея могъ носить званіе сенатора и, поэтому, имѣлъ нѣкоторое основаніе считать себя выше губернатора, съ которымъ онъ состоялъ въ одномъ классѣ должности, но который не могъ быть сенаторомъ. Однако, съ другой стороны, по закону, губернаторъ признавался представителемъ «Высшей Власти въ губерніи», что проявлялось, напримеръ, въ томъ, что въ Царскіе дни, послѣ Богослуженія, онъ подходилъ первымъ ко Кресту, даже если бы присутствующій здѣсь же старшій предсѣдатель носилъ званіе сенатора.

Какъ слѣдовало мнѣ поступить при представленіи должностныхъ лицъ? Всѣмъ служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ были посланы повѣстки съ приглашеніемъ пожаловать въ губернаторскій домъ, а относительно Судебной Палаты я остановился на слѣдующей формѣ. Кстати, отмѣчу,

что щадить самолюбіе палатскихъ у меня были особыя соображенія. Я лишь недавно былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, не имѣлъ ленты и былъ чрезвычайно моложавъ. Чины же Судебной Палаты были и въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣли звѣзды и по большей части были старики.

Вернувшись въ Саратовъ, я поѣхалъ къ исправлявшему должность старшаго предсѣдателя, предсѣдателю департамента, Потулову, и сказалъ ему, что посѣщу палату самъ и прошу его указать мнѣ время, когда я могу найти всѣхъ въ сборѣ.

Мы сговорились на опредѣленномъ днѣ и часѣ.

Въ условленное время, надѣвъ мундиръ и ордена, я поѣхалъ въ Палату. Я ожидалъ, что члены ея будутъ собраны въ одной изъ залъ и будутъ мнѣ представлены in cogroge. Однако, вышло иначе. Потуловъ сталъ водить меня изъ одной камеры въ другую, гдѣ члены, въ пиджакахъ, занимались своими дѣлами. На мою деликатность, мнѣ не отвѣтили тѣмъ же.

Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ сообщилъ мнѣ, что въ клубѣ слышалъ разговоръ, что палатскіе очень возмущены тѣмъ, что я, сдѣлавъ многочисленные визиты, не посѣтилъ никого изъ нихъ. Я просилъ его передать, кому слѣдовало, что я имъ коллективный визитъ уже сдѣлалъ, несмотря на то, что, въ сущности, могъ ихъ всѣхъ пригласить къ себѣ, что я сдѣлаю визиты всѣмъ, до послѣдняго молодого слѣдователя, но что ни у одного изъ членовъ палаты моей ноги не будетъ.

До меня доходили слухи, что вся эта исторія волновала общество, кто былъ за, кто противъ меня. Вскорѣ старшимъ предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій здѣсь же прокуроромъ палаты, Миндеръ, а на мѣсто послѣдняго Карчевскій. Въ отношеніи моего столкновенія съ палатою Миндеръ не «проявилъ никакихъ поступковъ», пользуясь, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, для него весьма удобнымъ, что все это случилось до вступленія его въ должность.

Я рѣшилъ ждать...

Проходили недѣли и инцидентъ съ палатою не находилъ себѣ разрѣшенія.

Нѣсколько забѣгая впередъ, скажу, чѣмъ онъ кончился.

Въ маѣ я ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ, между прочимъ, побывалъ у своего дяди, сенатора А. М. Стремоухова, и рассказалъ ему о моемъ случаѣ съ палатою. А. М. очень возмутился и обѣщаль позондировать почву въ министерствѣ. Кстати, долженъ отмѣтить, что дядя былъ лицомъ, весьма близкимъ къ тогдашнему министру юстиціи, И. Г. Щегловитову.

Дня черезъ три, А. М. сообщилъ мнѣ, что обычно губернаторы поступали въ дѣлѣ съ визитами съ палатою такъ же, какъ и я, но это ставилось имъ въ министерствѣ юстиціи въ плюсъ, какъ проявленіе особаго вниманія къ судебному вѣдомству, и, что въ министерствѣ юстиціи имѣется прецедентъ по поводу столкновенія губернатора съ палатою на визитной почвѣ.

Харьковскій губернаторъ И. М. Оболенскій (впослѣдствіи финляндскій генералъ - губернаторъ), вступивъ въ должность, пригласилъ къ себѣ на пріемъ и палату. Палата, считая себя не губернскимъ учрежденіемъ, на пріемъ не поѣхала. Тогда Оболенскій пожаловался министру юстиціи. Министръ, юридически обслѣдовавъ вопросъ, рѣшилъ его въ пользу губернатора и отдалъ распоряженіе палатѣ in cogroge въ мундирахъ пожаловать къ губернатору.

Такой прецедентъ былъ мнѣ на руку. Дядя, выражая увѣренность, что и въ данномъ случаѣ, дѣло будетъ рѣшено министромъ въ мою пользу, нахо-

диль, однако, болѣе цѣлесообразнымъ инцидента не обострять. Въ министерствѣ онъ получилъ свѣдѣнія, что Миндеръ на дняхъ ожидается въ столицу, и А. М. надѣялся найти съ нимъ вмѣстѣ какое - нибудь компромиссное рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны. Если же, паче чаянія, это не было бы достигнуто, то общалъ мнѣ свою поддержку у министра.

По возвращеніи моемъ, а въ скоромъ времени и старшаго предсѣдателя въ Саратовъ, мы оба, по случаю какого - то Царскаго дня, были въ соборѣ. По окончаніи Богослуженія, Миндеръ сказалъ мнѣ, что по случаю Царскаго дня, всѣ члены палаты, находившіеся въ соборѣ, желали бы принести мнѣ свои поздравленія, и спросилъ меня, когда я могу ихъ принять. Я отвѣтилъ, что изъ церкви ѣду прямо домой и радъ видѣть у себя палату. Вскорѣ, человекъ пятнадцать членовъ палаты въ мундирахъ и орденахъ пожаловали ко мнѣ. На слѣдующій день я былъ у всѣхъ съ отвѣтнымъ визитомъ. Этимъ инцидентъ благополучно закончился.

Кстати еще два слова о Судебной Палатѣ.

Въ предшествующей главѣ я приводилъ, что губернаторъ участвовалъ на засѣданіяхъ Судебной Палаты, по вопросу о преданіи суду чиновъ администраціи, къ которымъ были предъявлены иски по убыткамъ, понесеннымъ частными лицами отъ ихъ дѣйствій по службѣ.

Припоминаю одно изъ такихъ дѣлъ, довольно курьезное.

Въ холерное время, въ одномъ изъ уѣздовъ Тамбовской губерніи, кажется, Кирсановскомъ, было доставлено на базаръ 30 000 тысячъ незрѣлыхъ арбузовъ, быстро раскупавшихся населеніемъ. Мѣстный исправникъ усмотрѣлъ въ этомъ большую санитарную опасность и рѣшилъ арбузы уничтожить. Для сего, онъ вызвалъ конную сотню стражниковъ, которымъ и приказалъ изрубить арбузы шашками. При русской страсти къ уничтоженію, я представляю себѣ картину сотни стражниковъ, рубящихъ арбузы: корки летятъ по всему базару, а кровавый сокъ разливается по улицамъ — чисто Мамаево побоище!

Оцѣнивая арбузы около трехъ копѣекъ за штуку, владѣльцы арбузовъ предъявили къ исправнику искъ, что - то около тысячи рублей.

По закону уничтоженіе съѣстныхъ продуктовъ, опасныхъ для здоровья, принадлежало власти санитарно - исполнительной комиссіи, а не единолично исправнику.

Однако, принимая во вниманіе, что народъ уже началъ растаскивать арбузы, что уѣзднаго врача на мѣстѣ не было, а потому не было и возможности собрать своевременно комиссію, что исправникъ, хотя и совершилъ превышеніе власти, но направленное исключительно на благо населенія, палата постановила дѣло производствомъ прекратить.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ Царицына мнѣ однажды доложили, что ко мнѣ пожаловали Гермогенъ и Иліодоръ.

Если бы Иліодоръ прибылъ одинъ, я его, разумѣется бы, не принялъ, но не принять епископа и сопровождающее его лицо я не могъ. О чемъ было мнѣ говорить съ ними?

Царицынскій инцидентъ, въ сущности, не былъ ликвидированъ, Иліодоръ оставался тѣмъ же бѣглымъ монахомъ, подлежащимъ аресту и водворенію къ мѣсту ссылки. Однако, прекращеніе «воздѣйствія» на монастырь указывало на новыя теченія въ этомъ вопросѣ въ Петербургѣ. На сдѣланные за-

просы и къ министру, и къ оберъ - прокурору, я никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Можно ли было арестовать Иліодора, пришедшаго ко мнѣ въ домъ и несомнѣнно нашедшаго гостепріимство въ домѣ епископа?

Я вышелъ къ своимъ посѣтителямъ.

Здѣсь я впервые увидѣлъ знаменитаго іеромонаха: Это былъ человѣкъ, средняго роста, довольно благообразный, худощавый, и совершенно незначительной внѣшности. Ничто не указывало въ его наружности ни на большой умъ, ни на сильную волю.

По обычаю, я подошелъ къ владыкѣ подъ благословеніе и поцѣловалъ руку лица, призывавшаго мстителей за поруганіе Иліодора. Таковы были противорѣчія многогранныхъ губернаторскихъ отношеній того времени...

Иліодоръ велъ себя весьма скромно. Гермогенъ попытался заговорить со мною о царицынскихъ событіяхъ, но я перевелъ разговоръ на другія темы. Скоро бесѣда, совершенно неклеившаяся, пресѣклась, и оба посѣтителя меня оставили.

Очень скоро послѣ того наступила Страстная недѣля. Въ Великую Пятницу я отправился въ соборъ на Богослуженіе, гдѣ, по традиціи, вмѣстѣ съ другими высшими представителями власти я долженъ былъ выносить Плащеницу.

Во время Богослуженія архіерей стоялъ на амвонѣ посреди церкви, а многочисленное духовенство шпалерами выстроилось отъ алтаря до возвышенія. Вышелъ соборный протоіерей и сказалъ проповѣдь слѣдующаго содержанія.

Она настолько врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, что я передаю ее дословно.

«Дорогіе братья и сестры во Христѣ! Предъ нами здѣсь лежитъ святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божьяго, проведшаго свою земную жизнь въ борьбѣ со зломъ. Но и Богочеловѣкъ не могъ раздавить главу змія. И послѣ Него многіе боролись со зломъ, но всѣ были побѣждены. Что было не подъ силу Сыну Божьему, то тѣмъ болѣе не подъ силу людямъ. Еще недавно мы всѣ были свидѣтелями, какъ лучшей изъ насъ началъ священную борьбу со зломъ и подвергся тѣмъ же гоненіямъ, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ же его заключили въ темницу, такъ же его гнали, такъ же поносили и заушали, такъ же глумились надъ нимъ. Правда, тѣлесно его не распяли, но духовно его предали распятію. Не тѣ же ли гонители существуютъ и нынѣ, какъ прежніе Ироды и Каіаффы? Да, Ироды, для которыхъ мертво слово Божіе. Не такъ ли давно на этомъ мѣстѣ (указывая на меня) стоялъ одинъ изъ такихъ хулителей вѣры. Правда, это былъ человѣкъ, совершенно лишенный нравственнаго чувства. Вы всѣ помните, конечно, какъ все наше духовенство обратилось къ нему съ просьбою запретить къ представленію на сценѣ кощунственную пьесу Андреева «Анатема». И что же онъ отвѣтилъ ему? — «Я не могу этого сдѣлать, пьеса разрѣшена специальной драматической цензурою» *). Такъ пускай хулятъ и оскверняютъ самаго Бога, пускай вырываютъ изъ сердець православныхъ чистую вѣру, но да здравствуетъ строка министерскаго циркуляра... Для этихъ людей ми-

*) Долженъ отмѣтить, что графъ С. С. Татищевъ, на котораго указывалъ протоіерей не только не былъ «человѣкомъ лишеннымъ всякихъ нравственныхъ чувствъ», но напротивъ того отличался высокою безукоризненностью. Для театральнахъ пьесъ существовала особая цензура и какой - же это былъ - бы порядокъ, если - бы губернаторъ запрещалъ то, что дозволяла компетентная власть?

нистръ выше Бога . . . Да, говорю я, братія, тѣ же у насъ гонители Ироды и не лучше ихъ новые Пилаты, только и умѣющіе умыть свои руки . . . »

При послѣднихъ словахъ взоры протоіерея и всѣхъ присутствовашихъ обратились на меня. Я невольно взглянулъ на Гермогена; его выразительные глаза засвѣтились особымъ огонькомъ . . .

Конечно, все это дѣлалось съ его соизволенія и даже, болѣе того, по его указкѣ.

Что было мнѣ дѣлать?

Повернуться и выйти. Это было бы демонстраціею въ самой церкви. Пришлось покориться судьбѣ, подходить къ кресту и цѣловать руку . . .

Вернувшись домой, я обо всемъ отписалъ Саблеру. Скоро я получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ, въ которомъ онъ просилъ меня вооружиться терпѣніемъ.

Тѣмъ временемъ, вернувшись въ Царицынъ. Иліодоръ въ полной мѣрѣ развилъ свою сумасбродную дѣятельность.

Совершалась она подъ флагомъ борьбы съ революціею, «затѣянной жидами, поддерживаемыми всею интеллигенціею и продавшимися имъ чиновниками, губернаторами, министрами, а въ особенности, Столыпинымъ».

На дворѣ монастыря іеромонахъ соорудилъ картоннаго пятисаженнаго дракона — «гидру революціи». По окончаніи проповѣди, онъ пронзалъ ее копьемъ, на подобіе Георгія Побѣдоносца и отрубалъ одну голову, которая за ночь вырастала.

Въ галлерей монастыря, по которой молящіеся проходили въ церковь, былъ повѣшенъ портретъ Льва Толстого. Иліодоръ остановился около него и требовалъ, чтобы всѣ проходившіе плевали въ лицо писателя. Подъ конецъ такой дикой операціи, пѣна слюны цѣлою лужею стекала съ портрета на полъ.

Затѣмъ онъ сталъ строить во дворѣ холмъ и прорылъ его многими ходами съ подземными галлерейми, дабы укрываться въ нихъ въ случаѣ гоненій, какъ древніе христіане въ катакомбахъ. Все это сооруженіе создавалось безъ соблюденія какихъ бы то ни было строительныхъ правилъ и грозило развалиться и раздавить многочисленныхъ богомольцевъ. Прибывшаго въ монастырь городского архитектора Иліодоръ выгналъ.

Обо всемъ этомъ я писалъ Гермогену, министру и въ синодъ. Всѣ оставались глухи.

По поводу избіенія стражи въ монастырѣ, по приказу Иліодора, подтвержденнаго многочисленными свидѣтелями, прокурорскій надзоръ началъ было дѣло, но, по указанію изъ Петербурга, оно было прекращено.

Осмѣлѣвшій и окончательно обнаглѣвшій отъ безнаказанности, Иліодоръ предпринялъ тогда цѣлое паломничество по Волгѣ, въ цѣляхъ ниспроверженія крамолы.

Онъ или, вѣрнѣе, его поклонники наняли большой пароходъ. На пароходъ нагрузилась безшабашная орава поклонниковъ, а еще болѣе поклонницъ, до тысячи человѣкъ. Вся эта толпа, предводительствуемая Иліодоромъ съ «квачомъ» (огромная кисть), высаживаясь въ попутныхъ городахъ, бродила по улицамъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣсень, срывала вывѣски съ трактировъ, ресторановъ, увеселительныхъ заведеній и редакцій газетъ и мазала при посредствѣ «квача» дегтемъ ворота лицъ неугодныхъ, а также и фізіономіи прохожихъ, не достаточно почтительно относившихся къ шествію.

Своевременно предупрежденный, я не допустилъ высадки Иліодоровской орды въ попутныхъ городахъ губерніи, но въ Самарѣ и Нижнемъ Новгородѣ, Иліодоръ былъ встрѣченъ торжественно. Самарскій губернаторъ встрѣтилъ его на пристани, а нижегородскій — не побрезговаль даже пригласить Иліодора отобѣдать.

По возвращеніи въ Царицынъ Иліодоръ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ предавалъ меня проклятію.

Это проклятіе произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Кто бы онъ ни былъ въ душѣ, Иліодоръ формально былъ іеромонахомъ, духовнымъ лицомъ, почему духъ мой былъ угнетенъ.

Я написалъ объ этомъ Саблеру. Владиміръ Карловичъ отвѣтилъ мнѣ очень теплымъ письмомъ, разъясняющимъ, что единоличное проклятіе даже духовнаго лица, по канонамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, а право проклятія, не примѣнявшееся уже столѣтіе, принадлежитъ только Святѣйшему Синоду.

Но, тѣмъ не менѣе . . .

Народъ и интеллигенція, да признаться и я самъ, перестали что - либо понимать въ безнаказанности Иліодора. Интеллигенція возмущалась нарушеніемъ всѣхъ правовыхъ нормъ, а народъ недоумѣвалъ, почему Иліодоръ можетъ безнаказанно ругать губернатора, министровъ и самый Синодъ.

Тутъ есть что - то непонятное.

Объясненіе, однако, нашлось.

Въ народъ проникъ слухъ, вскорѣ ставшій въ темныхъ массахъ увѣренностью, что Иліодоръ незаконный братъ Государя, отъ отца, чисто русской крови. Этотъ омерзительный слухъ, очевидно, былъ пущенъ самимъ Иліодоромъ. На родинѣ Емельки Пугачева зарождался новый самозванецъ . . . Кто могъ бы угадать всѣ дальнѣйшія возможности нашей страны «неограниченныхъ возможностей»?

Всему этому надо было положить конецъ, во что бы то ни стало.

Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и все повѣдать Столыпину, такъ какъ пришелъ къ убѣжденію, что переписка все равно ни къ чему не приводитъ.

Поблагодаривъ меня за царицынское «сидѣнье», министръ внимательно выслушалъ меня и развелъ руками.

— Неужели вы думаете, П. П., — сказалъ онъ, — что я ничего въ этомъ дѣлѣ не предпринималъ. Всѣ ваши сообщенія я докладывалъ Государю, но онъ отмалчивается.

— Но, В. В., дѣло такъ далѣе итти не можетъ.

— Согласенъ съ вами, но у меня столько борьбы на всѣхъ фронтахъ, что на этомъ дѣлѣ я не могу сосредоточить всѣ свои силы, у меня есть достиженія и поважнѣе.

— Кто знаетъ, Петръ Аркадьевичъ, что важнѣе . . . Вамъ извѣстно, что правая печать все время трубитъ въ пользу Иліодора. Писатель Родіоновъ (кажется, членъ Госуд. Думы), пріѣзжавшій специально въ Царицынъ для ознакомленія съ положеніемъ, издалъ цѣлую книжку въ его защиту. Отъ вашего имени пріѣзжалъ ко мнѣ раскаявшійся извѣстный революціонеръ Тихомировъ, съ цѣлью меня интервьюировать объ Иліодорѣ, и я право не знаю, какую онъ приметъ позицію . . .

— Вотъ, вы и сами указываете, какой я растравлю муравейникъ, если примусь за Иліодора. И безъ того меня травятъ справа, даже болѣе, чѣмъ

слѣва. Всѣ эти голоса проникають до Государя... Ужасно то, что въ исходныхъ своихъ положеніяхъ Иліодоръ правъ, жида дѣлають революцію, интеллигенція, какъ Панургово стадо, идетъ за ними, пресса также; да развѣ Толстой, подвергнутый имъ оплеванію, не первый апостоль анархизма, но приемы, которыми онъ дѣйствуетъ, и эта безнаказанность все губятъ и даютъ полное основаніе оппозиціи говорить, что она права.

Столыпинъ задумался.

— П. П., вы способны на самопожертвованіе?

— Если нужно, то да.

— Я знаю, что Государю и донынѣ неприятно, что Татищевъ оставилъ службу изъ - за Гермогена и Иліодора. Онъ расположенъ къ вамъ. Уходя второго губернатора изъ - за этихъ авантюристовъ произведетъ на него впечатлѣніе. Вы получите аудіенцію у Государя. Скажите ему всю правду, скажите ему самозванство Иліодора, пусть онъ услышитъ это отъ васъ. Настаивайте на высылкѣ и заточеніи Иліодора, а если онъ васъ не послушаетъ, скажите, что при наличности Иліодора болѣе не можете управлять губерніей и просите объ увольненіи.

— Хорошо.

— Но хватитъ ли у васъ на это духа? Я знаю многихъ лицъ, которыя шли къ Государю, чтобы выложить ему «правду - матку», а потомъ подъ обаяніемъ его личности «языкъ прилипалъ къ гортани» и ничего не выходило. Начать и не докончить, еще хуже выйдетъ.

— Думаю и надѣюсь, что у меня хватитъ пороху.

Столыпинъ пожалъ мнѣ руку.

— Я думаю, что онъ васъ не отпуститъ, ну, а если бы даже и отпустилъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что - нибудь другое для васъ придумаю.

— Да, кстати, — вспомнилъ я. — Я имѣю опредѣленные указанія, что Гермогенъ и Иліодоръ дѣйствуютъ въ тѣсномъ единеніи съ Распутинымъ. Какъ доказательство этому, я представлю вамъ группу этой честной компаніи.

— Это усложняетъ положеніе, — замѣтилъ Столыпинъ.

Я раскланялся и вышелъ.

На третій день послѣ этого мнѣ была назначена аудіенція въ Царскомъ Селѣ.

Наканунѣ аудіенціи вдругъ ко мнѣ въ номеръ гостиницы «Франція» раздался звонокъ по телефону.

— Кто у аппарата?

— На фотографической группѣ три лица. Говорите только о двухъ вашихъ, третьяго не касайтесь.

— Да кто говоритъ?

Я услышалъ, какъ трубку повѣсили на аппаратъ, и разговоръ прекратился.

Таинственный голосъ, очевидно, принадлежалъ Столыпину.

Я переговорилъ съ женою. Она благословила меня на рѣшительный разговоръ съ Государемъ, каковы бы ни были его послѣдствія.

Государь принялъ меня съ обычною милостивою улыбкою. Послѣ незначительнаго разговора о нѣкоторыхъ дѣлахъ губерніи, между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

Для меня онъ былъ настолько значителенъ, что основательно врѣзался въ мою память, и я привожу его дословно.

— Ваше Величество, мнѣ нужно еще доложить Вамъ объ Иліодорѣ.

Я замѣтилъ, какъ у Государя задергался мускулъ на щекѣ.

— Тутъ говорить не о чемъ. Я его простилъ.

— Пусть такъ, В. В., (я впервые узналъ о прощеніи Иліодора), но послѣ Вашего прощенія, вмѣсто того, чтобы быть благодарнымъ, онъ продолжаетъ свои безобразія.

— Я все знаю и простилъ его.

— Ваше Величество не можете всего знать. Я нарочно пріѣхалъ для доклада въ Петербургъ, и обо всемъ только третьяго дня доложилъ министру.

— Да я и не хочу ничего знать, все это мелочи.

— Не мелочи... позвольте, В. В., вамъ доложить...

— Я уже сказалъ вамъ, Стремоуховъ, что этотъ разговоръ конченъ...

— Ваше Величество, я не исполнилъ бы своего долга, еслибы не доложилъ Вамъ, что этотъ негодяй не дорожитъ даже честью Вашей семьи, а слѣдовательно и Вашей...

Государь вспыхнулъ.

— Вашъ докладъ конченъ.

— Слушаюсь. Но разъ Вамъ не угодно меня выслушать, значить Ваше Величество мнѣ не вѣрите, а потому прошу меня освободить отъ должности саратовскаго губернатора, иначе мнѣ служить не честно.

Послѣдняя моя фраза была не слишкомъ складна, но я очень взволновался. «Истину царямъ съ улыбкой говорить» — умѣетъ не всякій. Мнѣ же было не до улыбокъ. Сознаюсь, что тяжелая слеза скатилась у меня по щекѣ.

Лицо Государя сразу сдѣлалось добрымъ и ласковымъ.

— Я вамъ вѣрю, Стремоуховъ, знаю васъ, но чего вы хотите?

— Не служить болѣе, В. В.; какая польза отъ моей службы, другой, можетъ быть, сдѣлаетъ то, чего я не сумѣлъ сдѣлать, убѣдить Васъ; если я на это не способенъ, то не считаю уже честнымъ пользоваться положеніемъ губернатора...

— Ну, ну, успокойтесь... Я знаю, что вы — честный человекъ.

Государь протянулъ мнѣ руку съ ласковою улыбкою и чарующимъ, исключительно свойственнымъ ему, выраженіемъ глазъ, тоже улыбающихся добротой и чуть-чуть ироніей, и тихонько подтолкнулъ меня къ двери.

Я вышелъ.

Бывшіе въ пріемной, дежурный флигель - адъютантъ гр. А. Н. Граббе и командиръ конвоя кн. Трубецкой, вѣроятно, замѣтили мое волненіе.

Дня черезъ три, Салтыковъ сообщилъ мнѣ, что въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта разошлось извѣстіе, что Государь «разнесъ» саратовскаго губернатора.

Прямо съ Высочайшей аудіенціи, я проѣхалъ къ Столыпину и рассказалъ ему о происшедшемъ съ Государемъ разговорѣ.

— Завтра я буду у Его Величества, — сказалъ мнѣ министръ, — и сообщу вамъ о его рѣшеніи.

На слѣдующій день я былъ вызванъ Столыпинымъ къ телефону.

— Ну, что? — спросилъ я.

— Государь приказалъ вамъ передать, что повелѣваетъ (Столыпинъ про-
скандировалъ послѣднее слово) вамъ продолжать службу въ Саратовѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Соблюдать долгъ вѣрноподданнаго — повиноваться.

— А Иліодоръ?

— По этому поводу Государь мнѣ ничего не сказалъ.

Предоставляю читателю самому разобраться во всемъ этомъ эпизодѣ и
сдѣлать свои выводы.

Признаюсь, что какъ ни тяжела была для меня вся эта сцена съ Госуда-
ремъ, какъ она ни взволновала меня, но она составляетъ, можетъ быть, наи-
болѣе достопамятную страницу моей службы. Говорить съ Государемъ съ
такою настойчивостью, не у всякаго хватило бы рѣшимости. Я думаю, что
съ моей стороны это не тщеславіе, а лишь сознаніе удовлетворенности отъ
исполненнаго долга, и если образъ дѣйствій Царя во всемъ этомъ дѣлѣ, какъ
государственнаго человѣка, можетъ быть, и былъ ошибоченъ, съ этого мо-
мента, помимо его великаго для меня престижа, какъ помазанника Божія,
онъ сталъ мнѣ безконечно милъ и дорогъ: я понялъ его безграничную до-
броту, являющуюся основнымъ двигателемъ его поступковъ и жертвой кото-
рой онъ раньше всего былъ самъ.

Сильно, едва ли не на полъ года, забѣгая впередъ, мнѣ хочется здѣсь,
для полноты впечатлѣнія, рассказать все о дальнѣйшемъ «дѣйствѣ» Гермо-
гена и Иліодора.

Въ началѣ лѣта того же года, я предпринялъ путешествіе въ сѣверные,
Поволжскіе уѣзды губерніи, Вольскій и Хвалынскій. Въ послѣднемъ я по-
сѣтилъ знаменитый раскольничій, по современной терминологіи, старообряд-
ческій Черемшанскій монастырь. За послѣдній десятокъ лѣтъ его не посѣ-
щаль, кажется, ни одинъ изъ представителей власти. Ёхать туда надо было
верстъ не то сорокъ, не то шестьдесятъ на лошадахъ отъ города Хвалынска,
глухой лѣсной дорогой. Ёхаль я туда не по своей инициативѣ, а по пригла-
шенію старообрядческаго епископа Мелетія. Со времени указа о вѣротерпи-
мости, старообрядческая іерархія пріобрѣла уже всѣ права гражданства. При-
веденное, какъ будто не соответствующее опредѣленіе, пожалуй, болѣе
отвѣчало положенію вещей, это дѣйствительно было только «гражданское»
признаніе, такъ какъ духовныя наши власти все еще крайне недоброжела-
тельно относились къ старообрядцамъ. Въ то время какъ наше духовенство
свободно и по внѣшности даже пріязненно сносилось съ духовенствомъ иныхъ
исповѣданій, оно и знать не хотѣло о новомъ положеніи старообрядцевъ. Не
даромъ говорятъ, что болѣе острыми всегда бываютъ ссоры между близ-
кими родственниками. Долженъ откровенно сознаться, что у меня, напро-
тивъ, было къ старообрядцамъ особое влеченіе. Во мнѣ всегда вызвала
большое уваженіе стойкость старообрядцевъ, несмотря на преслѣдованія, въ
ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и сохраненіе ими стараго уклада русскаго
быта.

Меня озабочивалъ вопросъ, какъ мнѣ быть съ Мелетіемъ? Какъ его ве-
личать? Давать ли ему титулъ Преосвященства? Цѣловать ли ему руку?
Я, право, не понималъ, почему римско-католическаго епископа я долженъ
былъ титуловать «Вашимъ Преосвященствомъ», а неизмѣримо ближе стоя-
щаго къ православной церкви старообрядческаго епископа лишать этого зва-

нія. Тѣмъ не менѣе, опираясь на дѣловыя справки и прецеденты, я этотъ вопросъ, а равно и о цѣлованіи руки, рѣшилъ отрицательно.

Послѣ пріятнаго путешествія по лѣсной дорогѣ, мы съ исправникомъ подъѣхали къ монастырю. Уже издали насъ встрѣчалъ звонъ колоколовъ. У высокаго тына, я вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ вошелъ во дворъ. Здѣсь встрѣтилъ меня игумень и повелъ въ церковь, старую, деревянную, приземистую, далеко не красивой архитектуры. На паперти стоялъ епископъ Мелетій, въ присвоенныхъ его званію одѣяніяхъ, а на встрѣчу мнѣ шпалерами вытянулось десять схимниковъ въ клобукахъ - колпаками и одѣяніяхъ, покрытыхъ изображеніями орудій пытокъ Христа Спасителя и Адамовыми головами. Все это были столѣтніе старцы, съ длинными сѣдыми бородами, нависшими надъ потухшими глазами бровями, подобные иконамъ древняго византійскаго письма, уже давно обрекшіе себя на обѣтъ молчанія и строжайшій аскетизмъ. При моемъ приближеніи они всѣ опустили на колѣни и поклонились мнѣ большимъ поклономъ.

Признаюсь, что ото всей этой, повѣявшей глубокою стариной, картины, мурашки пробѣжали у меня по спинѣ и меня охватило какое-то невольное благоговѣніе.

Когда я приблизился къ епископу, то послѣдній сказалъ мнѣ слово, приблизительно слѣдующаго содержанія:

— «Много, много лѣтъ въ этихъ лѣсныхъ тущахъ мы хоронили нашу святую вѣру. Много гоненій мы претерпѣли. Когда власти появлялись у насъ, то это имѣло причину, либо принятіе противъ насъ новыхъ суровыхъ мѣръ, либо поводомъ поборовъ. Потомъ въ болѣе уже терпимое время насъ посѣщали просто изъ любопытства... За что мы все это терпѣли, вѣдомо одному Господу Богу, которому мы поклоняемся по вѣрѣ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Власть свѣтскую мы всегда уважали и безпрекословно исполняли всѣ ея требованія, Русь святую любили и любимъ всѣмъ сердцемъ, не разбирая, кто старой, кто новой вѣры. Въ Царѣ, какого бы онъ обряда ни держался, всегда признавали помазанника Божія... Но Богъ съ нимъ, съ прошлымъ, оно миновало и забыто... По волѣ нынѣ благополучно царствующаго Императора, мы получили свободу вѣры и ея оказательства. Да будетъ благословенно его царство отнынѣ и во вѣкъ. Въ васъ, Ваше Превосходительство, мы срѣтаемъ представителя Царя, даровавшаго намъ свободу. Въ лицѣ этихъ схимниковъ, въ совокупности прожившихъ, можетъ быть, тысячу лѣтъ, испытавшихъ жестокія прошлыя гоненія и нынѣ узрѣвшихъ свѣтлую радость, мы привѣтствуемъ Ваше Превосходительство. Позвольте поднести вамъ для цѣлованія этотъ старинный крестъ, до котораго до нынѣ не прикоснулись уста лица, исповѣдывающаго новую вѣру, и благословить васъ сей старинною же иконою Святаго Ильи, покровителя нашего».

Съ чувствомъ особаго благоговѣнія поцѣловалъ я крестъ и поднесенную мнѣ, икону.

Святой Илья, морщинистый и строгій, черный - пречерный, смотрѣлъ на меня изъ своего серебрянаго оклада пронизательными глазами.

— А теперь, Ваше Превосходительство, благоволите войти въ храмъ и помолиться вмѣстѣ съ нами за Русь святую и благого Царя ея.

Послѣ Богослуженія, мы прошли въ скромныя хоромы владыки, угостившаго меня столь же скромною, простою, но вкусною, мужицкою трапезою.

Тутъ былъ медь, всевозможныя грибы, капуста, сушеная рыба, варенье на меду и т. п.

Подъ чарующимъ впечатлѣніемъ Черемшанской обители, я вернулся въ Саратовъ.

Недѣли черезъ три, въ одномъ изъ окрестныхъ большихъ селеній, населенномъ исключительно старообрядцами, по случаю храмового праздника, состоялся многочисленный крестный ходъ, съ образами, хоругвями и т. д.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Гермогена очень рѣзкое письмо, въ которомъ онъ обвинялъ мѣстную полицію въ совершенно недопустимомъ, по мнѣнію епископа, попустительствѣ оказательства старообрядцами своего ложнаго вѣроученія, и въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ требовалъ прекращенія такого безобразія.

По разсмотрѣніи дѣла, выяснилось, что какъ дѣйствія старообрядцевъ упомянутаго селенія, такъ и полицейской власти, были совершенно законны. Въ предѣлахъ моей канцеляріи находился указъ Сената, преподанный къ общему руководству, по жалобѣ старообрядцевъ на тобольскаго губернатора, запретившаго имъ совершить крестный ходъ внѣ ограды церкви. Сенатъ разъяснилъ, что со времени указа о вѣротерпимости (17 октября 1905 года) всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ разрѣшается свободное отправленіе своего культа не только въ церквахъ и молельняхъ, но и на улицахъ и площадяхъ. Единственнымъ основаніемъ къ запрещенію такихъ религіозныхъ демонстрацій, по толкованію Сената, было, если бы таковыя могли послужить поводомъ къ возбужденію неудовольствія части населенія, исповѣдывающей другую религію, и возможности на этой почвѣ беспорядковъ. Очевидно, что при сплошномъ населеніи данной мѣстности лицами, принадлежащими къ одной религіи, какъ въ данномъ случаѣ, нельзя было ожидать беспорядковъ изъ - за крестнаго хода, устроеннаго старообрядцами, а слѣдовательно, дѣйствія полиціи были совершенно правильными. Напротивъ того, запрещеніе крестнаго хода было бы незаконнымъ, могло бы послужить предметомъ обжалованія и, въ виду обязательности примѣненія вышеупомянутаго указа Сената, привести къ заслуженному взысканію съ виновныхъ.

Не вдаваясь ни въ какія разсужденія, я препроводилъ къ епископу копию упомянутаго указа, упомянувъ только объ обязанности его выполненія для должностныхъ лицъ и, закончивъ, по обыкновенію, письмо, призывомъ на себя «святыхъ молитвъ» его преосвященства.

Вскорѣ послѣ того мнѣ былъ доставленъ номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», въ передовой статьѣ котораго, принадлежавшей, по полученнымъ свѣдѣніямъ, перу епископа Гермогена, меня громили по всѣмъ пунктамъ.

Статья начиналась приблизительно такъ:

... «Мы, конечно, не можемъ воспретить либеральствующему губернатору ѣздить по раскольничьимъ *) монастырямъ и цѣловать руки самозваннымъ епископамъ, но мы не можемъ не поднять голоса, голоса церкви, когда, по попустительству властей, творятся явно, на глазахъ всѣхъ безобразія, оскорбляющія лучшія чувства православнаго вѣрующаго русскаго народа...» и т. д., въ томъ же духѣ.

Такая выходка противъ губернатора на страницахъ официальнаго изданія (что бы сказали, если бы я написалъ что - либо подобное противъ епи-

*) Кстати сказать, этотъ терминъ былъ уничтоженъ закономъ.

скопа въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»?), такое пренебреженіе къ указаніямъ высшей власти, были совершенно нестерпимы. Я сообщилъ обо всемъ этомъ В. К. Саблеру, который частной, короткой запискою увѣдомилъ меня, что вопросъ переданъ имъ на разсмотрѣніе Св. Синода, откуда послѣдуетъ саратовскому епархіальному архіерею надлежащее разъясненіе.

Въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ я долженъ отмѣтить нѣкоторую неполноту ихъ: цѣлый и довольно важный моментъ совершенно изгладился изъ моей памяти. Я отлично помню, что іеромонахъ Иліодоръ былъ лишенъ Св. Синодомъ носимаго имъ сана, а впоследствии и просто разстриженъ. Но, когда именно произошло первое событіе, а, точно, и второе, я положительно не могу возстановить въ своей памяти. Запомятовалъ я и то, что именно лѣтомъ 1912 года продѣлывалъ Иліодоръ. Очевидно, не сидѣлъ смирно, но что дѣлалъ, исчезло изъ моихъ воспоминаній. Объясняю я себѣ это тѣмъ, что я былъ поглощенъ наступившими новыми заботами, а именно, постигшимъ губернію неурожаемъ . . .

Однако, епископъ Гермогенъ въ это время не дремалъ и продолжалъ свое дѣло ненасытнаго и фанатическаго честолюбія.

Читатель помнитъ, вѣроятно, святотатственное ограбленіе Чудотворной Казанской Иконы Божіей Матери. Драгоцѣнныя украшенія этого образа были похищены, а сама святая икона расщеплена и выброшена въ нечистое мѣсто.

Со времени совершенія этого кощунственнаго преступленія Россію постигли большія бѣдствія: революція 1905 года, неудачная японская война, таинственная болѣзнь наслѣдника: Народная молва приписывала всѣ эти несчастія исчезновенію святой, чудотворной иконы.

Въ нѣкоторыхъ деталяхъ послѣдующаго эпизода мнѣ тоже измѣняетъ память. Да не поставитъ мнѣ этого читатель въ упрекъ, тѣмъ болѣе, что онѣ ни въ какой степени не отразятся на ходѣ далѣе излагаемыхъ мною событій.

Кажется мнѣ, что похищеніе иконы было совершено нѣкіимъ бѣглымъ каторжникомъ Кораблевымъ, а пособникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Чайкинъ. Можетъ быть, дѣло стояло какъ разъ наоборотъ. Инициаторомъ былъ Чайкинъ, а пособникомъ Кораблевъ. Участи инициатора я не помню, но пособникъ, Чайкинъ или Кораблевъ, буду называть его Чайкинымъ, въ описываемое мною время, отбывалъ свое наказаніе въ саратовскомъ арестантскомъ отдѣленіи.

Однажды Чайкинъ пожелалъ видѣться съ епископомъ Гермогеномъ. Свиданіе было разрѣшено тюремнымъ начальствомъ, вопреки тюремной инструкціи, не въ пріемной, а съ глазу на глазъ. Такія свиданія участились. Когда это дошло до меня, то я захотѣлъ было эти свиданія запретить, но, правду сказать, не хватило на это духа. Вѣдь, если какому - нибудь ничтожному повѣренному разрѣшаются свиданія съ своими подзащитными безъ свидѣтелей, то какъ же запретить это пастырю господствующей Церкви, который, быть можетъ, хочетъ спасти душу раскаивающагося злодѣя. Если на это не было спеціальнаго указанія въ тюремной инструкціи, то не можетъ же инструкція предвидѣть всѣ случайности.

Вскорѣ, вѣроятно, по болтливости самого Чайкина, стало извѣстно, что онъ сообщилъ владыкѣ о томъ, что икона Казанской Божіей Матери вовсе не уничтожена, но находится въ одномъ отдаленномъ старообрядческомъ скиту, и что онъ, Чайкинъ, беретъ ее оттуда изъять, при условіи предоставленія ему временной свободы, а затѣмъ и полного помилованія.

Судебнымъ дѣломъ объ ограбленіи иконы съ непреложностью было установлено ея уничтоженіе. Слѣдовательно, сообщенія арестанта были вымышленными. Однако, епископъ Гермогенъ вѣрилъ имъ или хотѣлъ имъ вѣрить.

Между тѣмъ, начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, полк. Семигановскій, обладавшій обширною агентурою, донесъ мнѣ, что у одного «спеціалиста» пишется икона Божіей Матери, поддѣлываемая подъ Казанскую. Передать ее по принадлежности еще невозможно, такъ какъ для принятія вида «старинны» требуется время и время довольно продолжительное.

Эти свѣдѣнія были доставлены Семигановскому вполне достовѣрнымъ по его мнѣнію лицомъ, не желавшимъ или не могшимъ сообщить ни мастера, ни мѣста поддѣлки иконы. Однако, нѣкоторая связь между Чайкинымъ и темными лицами, занимавшимися поддѣлкою иконъ, была установлена.

Въ свою очередь, я то же поинтересовался Чайкинымъ, но не находилъ возможнымъ сдѣлать это открыто. При очередномъ посѣщеніи тюрьмы, начальникъ ея указалъ мнѣ условнымъ знакомъ на интересовавшаго меня арестанта. Это былъ высокій, красивый, франтоватый, даже въ арестантской одеждѣ, человекъ. (Такой совершенно опредѣленный типъ, какъ это ни странно, существуетъ). Вѣроятно, я все-таки слишкомъ внимательно въ него всмотрѣлся, и онъ это замѣтилъ: губы Чайкина скривились едва сдерживаемой улыбкою удалства и хитрости.

Какова была во всемъ этомъ дѣлѣ роль Гермогена? Вѣрилъ онъ Чайкину или не вѣрилъ? При особомъ складѣ психики Гермогена, допускаю и первое. Во всякомъ случаѣ, повидимому, эти соображенія отпадали въ его сознаніи передъ фактомъ огромной важности, «Обрѣтенія» исчезнувшей, къ горю всей Россіи, Святой и Чудотворной иконы.

Какое счастье было бы найти эту икону! Вернуть ее народу и глубоко растроганному Царю. Вѣдь, вся вѣрующая Россія, съ Царскою семьею, во главѣ съ самимъ помазанникомъ Божіимъ, склонятся во прахъ передъ этою святынею и вернувшимъ ее народу святителемъ.

Говорили, что Гермогенъ охотно подписывалъ свое имя «Ермогенъ» какъ приснопамятный патріархъ.

Дѣйствовалъ ли епископъ, вѣря или нѣтъ, я не знаю; и да проститъ мнѣ Господь мои сомнѣнія, вызываемыя исключительно благоговѣніемъ къ святынѣ Казанской...

Я видѣлъ во всемъ этомъ, во всякомъ случаѣ, только продѣлку хитраго арестанта и рѣшилъ положить конецъ его затѣѣ.

Вѣдь, если бы икона была въ самомъ дѣлѣ «обрѣтена», я - то бы зналъ, что это результатъ самаго наглаго мошенничества и легковѣрія, а каково-то было бы мнѣ увидѣть весь ужасъ благоговѣйнаго преклоненія всего русскаго народа передъ ловкою поддѣлкою, и своимъ молчаливымъ присутствіемъ способствовать кощунству, въ которое былъ бы вовлеченъ самъ Государь.

Я потребовалъ перемѣщенія Чайкина въ одну изъ московскихъ тюремъ, сообщилъ обо всемъ моему товарищу, московскому губернатору В. Ф. Джун-

ковскому, которымъ всякія свиданія съ Чайкинымъ были воспрещены. Попытки въ этомъ отношеніи Гермогена остались безплодными. Все это, черезъ Вел. Кн. Елисавету Феодоровну, было доведено до свѣдѣнія Государя.

Такъ была закончена исторія новаго и кощунственнаго явленія Святой Казанской Иконы Божіей Матери.

Черезъ нѣкоторое время епископъ Гермогенъ былъ вызванъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ. Съ того времени онъ вышелъ изъ сферы моего непосредственнаго наблюденія.

До меня доходили слухи, что тамъ онъ всталъ въ весьма рѣзкую оппозицію къ другимъ членамъ Синода по вопросу объ учрежденіи у насъ духовнаго сана діакониссъ. Проектъ этотъ принадлежалъ иниціативѣ Вел. Кн. Елисаветы Феодоровны. По поводу института діакониссъ я не имѣю никакого собственнаго мнѣнія, а потому на этомъ вопросѣ останавливаться не буду.

Не помню точно, черезъ сколько времени, примѣрно черезъ полгода, я вновь посѣтилъ Петербургъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ столичной газетѣ я прочелъ, что епископъ Гермогенъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ Синода, отставленъ отъ саратовской епархіи и сосланъ въ Жировицкій монастырь гродненской епархіи, пребывавшій же въ столицѣ Иліодоръ куда - то исчезъ.

Уже въ Петербургѣ я узналъ о причинахъ постигшей Иліодора опалы.

Я видѣлъ въ то время многихъ лицъ, стоявшихъ близко къ синодскимъ кругамъ и бывшихъ со мною, какъ съ саратовскимъ губернаторомъ, тоже близкимъ къ ходу событій во всей Гермогено - Иліодоровской эпопеѣ, вполне откровенными. И вотъ, что они мнѣ рассказали.

Гермогенъ и Иліодоръ поссорились съ Григоріемъ Распутинымъ. Какія были тому причины, осталось невыясненнымъ. Нѣкоторые приписывали ее борьбѣ за вліяніе въ Царскомъ Селѣ, другіе болѣе чистому желанію обезвредить развратнаго старца. Гермогенъ написалъ Царю письмо, изобличающее старца. Письмо это было принято холодно и вызвало даже рѣзкое указаніе епископу не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Тогда Гермогенъ и Иліодоръ рѣшили оскопить Григорія.

Попытка эта не удалась и растерзанный «старецъ» успѣлъ отъ нихъ убѣжать въ Царское Село... Затѣмъ послѣдовала опала Гермогена и разстриженіе Иліодора.

Послѣдній долго скрывался въ окраинахъ столицы, главнымъ образомъ, у доктора «Тибетской медицины» Бадмаева, а затѣмъ бѣжалъ на Донъ въ станицу, къ которой былъ приписанъ, какъ казакъ. Съ этого времени онъ сталъ дѣйствовать уже подъ своимъ прежнимъ именемъ Иліодора Труфанова. Вскорѣ онъ отрекся отъ всѣхъ своихъ «правыхъ» тенденцій, проклялъ всякую власть, духовную и свѣтскую, уже съ «лѣвой» точки зрѣнія, сталъ проповѣдывать анархическую сторону ученія Толстого, портретъ котораго еще недавно подвергалъ оплеванію. Преслѣдуемый полиціею, онъ вскорѣ бѣжалъ въ Швецію, а затѣмъ въ Соединенные Штаты, гдѣ вошелъ въ контактъ съ революціонными кругами. Говорили, что онъ дѣлалъ, тутъ же переводимыя на англійскій языкъ, сообщенія въ разныхъ music hall, гдѣ обливалъ помоями всю русскую жизнь, правительство, Царскую семью, а въ

особенности Императрицу. Написанная Распутину Государыней письма, какъ - то попавшія въ его руки, тутъ же демонстрировались публикѣ.

Письма эти впоследствии были просмотрѣны однимъ близкимъ мнѣ лицомъ и, по его завѣренію, не заключали въ себѣ ничего компрометирующаго честь Царицы, какъ Государыни и женщины. Это были просто письма нервной женщины къ человѣку, который въ ея представленіи —къ чему, впрочемъ, у нея было достаточно оснований *)—былъ единственнымъ источникомъ поддержанія здоровья и даже самой жизни ея страждущаго, единственнаго и обожаемаго сына.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, Гермогенъ получилъ вновь епископскую кафедру, на этотъ разъ въ Тобольскѣ. Пребываніе его тамъ совпало съ прибытіемъ туда въ ссылку Царской семьи, къ которой, какъ я слышалъ, онъ отнесся наилучшимъ образомъ.

Мнѣ говорили, что въ первые дни революціи онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ. И мученически погибъ отъ руки большевиковъ.

Что такое были Гермогенъ и Иліодоръ?

Попытаюсь въ этомъ разобраться.

Я полагаю, что Иліодоръ былъ только опаснымъ авантюристомъ, мечтавшимъ выдвинуться и сыграть крупную роль для удовлетворенія своего ненасытнаго честолюбія. Никакихъ убѣжденій ни лѣвыхъ, ни правыхъ, у него никогда не было. Служить Богу, либо чорту ему было совершенно безразлично, лишь бы добиться своихъ ближайшихъ цѣлей.

Натура Гермогена гораздо сложнѣе. Это тоже былъ человѣкъ, снѣдаемый безумнымъ честолюбіемъ, мечты котораго не останавливались на митрѣ митрополита — ему мерещился патріархъ всея Руси, ѣдущій на конѣ, ведомомъ подъ уздцы тишайшимъ Царемъ Московскимъ. Но я думаю, что безграничное честолюбіе имѣло двигателемъ не одно личное чувство, но и пламенную вѣру и, если и не возвышенное, то превыспреннее понятіе о задачахъ православной церкви, передъ которой должно преклониться все: и народъ, и свѣтская власть, и самъ Царь. Воспаленное воображеніе его ненормальнаго, можетъ быть, физическаго состоянія, неограниченное никакими сдерживающими центрами, могло уронить его до грани преступленія и вознести до подвига великаго мученичества. Въ средніе вѣка онъ могъ бы быть великимъ инквизиторомъ, могъ бы быть Григоріемъ VII, съ наслажденіемъ призывающимъ въ Каноссу кающагося, босоногаго и покрытаго власяницею императора, но могъ онъ и, какъ Савонарола, съ блаженствомъ и восторгомъ сгорѣть на кострѣ.

Софія - Парижъ. 1922—24 г.

*) Способность Распутина останавливать кровотеченіе у наслѣдника, страдавшаго гемофиліею, и вообще его гипнотически врачующее вліяніе подтверждается многими свидѣтельствами.